

СЕРГЕЙ
ФОМИЧЁВ

РУНЫ НА АСФАЛЬТЕ

РОМАН С ФЕЕЙ



Руны на асфальте

Сергей Фомичёв

Роман с феей

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фомичёв С. Р.

Роман с феей / С. Р. Фомичёв — «Эксмо», 2018 — (Руны на асфальте)

ISBN 978-5-04-094858-1

Терзаемый жесточайшим похмельем, Коленька Грачевский решает выудить из городского фонтана монетки, чтобы наскрести денег на чекушку. И оказывается во власти хозяйки фонтана феи Айви, которая заключает с ним магический контракт. Теперь Коленьке придется выполнять желания всех, кто бросил в фонтан похищенные им монетки. И Грачевский справился бы, не окажись среди загадавших желание могущественного черного колдуна...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094858-1

© Фомичёв С. Р., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Рудольфович Фомичев

Роман с феей

*Посвящается любимой дочери Машеньке, которая не дает
стареть*

© Фомичев С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Прекрасная незнакомка

С самого утра Коленька Грачевский – высокий худощавый мужчина с двухнедельной небритостью и следами перепоя на лице – мучился похмельем, депрессией и отсутствием смысла жизни. В видавших виды джинсах и потрёпанной коричневой куртке он брёл по пустынной осенней улице в тот хитрый час, когда граждане, работающие по графику, уже сидели в конторах, а люди профессий свободных ещё только подумывали о первой чашечке кофе и сигарете. В текущий момент истории Коленька не относился ни к тем, ни к другим. И потому презирал первых за конформизм, а вторых ненавидел ничуть не меньше за шальную удачу.

Магазины только-только начали продавать спиртное, и как минимум одно из трёх мучений можно было с повестки дня снять (а с ним, как подсказывал опыт, неизбежно ослабнет актуальность и остальных), но у Грачевского возникла традиционная для этого времени суток загвоздка, а именно полное отсутствие денежных знаков. Впрочем, как это бывает у всякого опытного бродяги, у Коленьки всегда имелось в запасе несколько возможных путей раздобыть или саму выпивку, или средства на её приобретение. И сейчас, предоставив ватным ногам самим выбирать дорогу, он занимался тем, что перебирал варианты в залитых свинцом мозгах. Ватные ноги и свинцовые мозги – очень неудачное в смысле физиологии сочетание, тем не менее оно достаточно распространено в средней полосе нашей родины.

Ноги вынесли его к Музею традиционных ремёсел, где Коленька когда-то недолго работал, а значит, подсознание или даже сама судьба направили его к одному из возможных вариантов удовлетворения насущной потребности. И даже, если задуматься, к двум. Во-первых, здесь работал Роман Павлович Варварин, который Грачевского хорошо знал и доверял настолько, что мог одолжить пару сотен рублей. И, что немаловажно, эта пара сотен наверняка была при Палыче и не составляла проблемы для его бюджета, ибо был он человеком весьма обеспеченным. А во-вторых, если паче чаяния Варварин на работе отсутствует, то уж запасной вариант находится на месте всегда. В любое время суток, в любой день недели. Так как вторым источником денег мог послужить старинный фонтан, расположенный во дворике музея. Он считался первой городской достопримечательностью и официально числился памятником истории и культуры, поскольку превосходил древностью сам город. Когда-то здесь стояло поместье одного из видных промышленников империи, и заводские крепостные соорудили посреди роскошного парка этот скромный шедевр из лучшего уральского камня, сплавленного по Чусовой, Каме и Волге, а затем поднятого по мелкой и извилистой местной речушке. Легенд и былей вокруг фонтана ходило когда-то великое множество, но своего Бажова в здешних местах не нашлось, и большинство преданий со временем оказались утрачены. Лишь отголоски в виде цитат и упоминаний встречались в немногих уцелевших бумагах уездной канцелярии, ибо как архив её почти полностью сгорел в Гражданскую войну. Фамилия промышленника угасла задолго до классовой резни, поместье отошло казне и со временем пришло в упадок; усадьба разрушилась, а бурно развивающийся уже во времена индустриализации город поглотил и остатки парка. Так что от прежней роскоши сохранился здесь только фонтан, вокруг которого на прочном фундаменте разрушенной усадьбы выросли корпуса музея.

Помимо всего прочего, фонтан был замечателен тем, что не имел водонапорной системы, насосов и фильтров, а, используя перепад высот, питался напрямую из природного источника и сбрасывал воду по трубе дальше в ручей, а потом и в реку. В архитектурном смысле он представлял собой круглый бассейн с широким бортиком из серого гранита, в центре которого возвышалась над гладью воды огромная двустворчатая раковина. Раковина эта была рас-

крыта меньше чем наполовину, градусов эдак на восемьдесят – восемьдесят пять, подобно книге, которую читают в тесноте общественного транспорта. Одна створка как будто лежала на мелководе, подпираемая невидимой основой из камня, а вторая слегка нависала над ней. Из раковины извергалась вода. Однако она не била струёй, а наполняла нижнюю створку и мерно стекала с её волнистых краёв в каменную чашу бассейна, не оставляя, что характерно, на камне ржавых подтёков. Дно чаши блестело от самых разнообразных монет, брошенных сюда как многочисленными посетителями музея, так и обычными горожанами, музей не посещающими, но отдающими должное знаменитому фонтану и старинной традиции. Раз в месяц узбек Рашид, работающий сторожем и дворником, забирался в фонтан в резиновых сапогах (поскольку спуска воды конструкция не предусматривала), выгребал скопившуюся «медь» лопатой, сваливал в ведёрко и сдавал музейному начальству, которое перечисляло вырученную сумму на счёт детского дома, о чём свидетельствовала табличка на вкопанном неподалёку столбике.

Возможно, из-за надписи на табличке, а возможно, из-за системы видеонаблюдения, установленной во дворе музея, фонтан никогда не пытались обчистить, так что Грачевскому было немного не по себе, когда он решился стать в столь сомнительном деле первопроходцем. Впрочем, терзаться долго не пришлось. Что касается детского дома, то он поклялся себе вернуть деньги при первой возможности и тем самым успокоил совесть, камеры же слежения были только камерами, и рассудительному Коленьке представлялось маловероятным, что кто-то корпел перед мониторами в столь утренние часы. А запись, если её вдруг будут пересматривать охранники, вещь неверная, да и случится это потом, в то время как деньги можно обрести прямо сейчас. Но если не жадничать, не торчать полчаса, набивая карманы, а удовлетвориться малостью, одним наскоком, то, возможно, и вовсе никто ничего не заметит, или заметит, но махнёт рукой. И бывшего сослуживца Варварина правильнее было оставить про запас, на чёрный день, ибо людей, доверяющих Грачевскому и в то же время имеющих деньги, осталось в мире не так уж много.

– Эх, была не была! – подбадривал себя Коленька, притираясь коленом к серому холодному граниту, точно штангист перед рывком. – Где наша не пропадала? Семь бед – один ответ!

Когда запас поговорок исчерпался, он засучил рукава, нагнулся и погрузил ладони в воду. Стужа оказалась такой, будто сунулся он не в фонтан, а в крещенскую прорубь. Руки до локтя быстро оковенели, теряя чувствительность, и Коленька поспешил зачерпнуть по горсти монет в каждую из ладоней. Он уже собирался дать дёру с уловом, но как только ладони с монетками оказались над поверхностью, его что-то сильно ударило по затылку. Обычно удар по голове вызывает боль, с Коленькой же случилось обратное. Гудящая похмельная боль пропала. И наступила благодатная тьма.

* * *

Сознание вернулось, оставив боль где-то в небытии, заблудившейся среди извилин, а Коленька неожиданно обнаружил себя сидящим за тёмным столом из старого морёного дерева или, во всяком случае, сделанного под старое морёное дерево. Он попытался оглядеться и понял, что не способен пошевелить ни головой, ни скрюченными где-то возле живота руками – он ощущал себя эдаким динозавром с короткими передними лапами или, может быть, кенгуру. Не получилось даже скосить глаза, и лишь ненадёжным периферийным зрением он отметил стоящие возле стола массивные канделябры со множеством горящих свечей.

Сделав небольшое усилие, он вспомнил обстоятельства, предшествующие потере сознания. Видимо, он отключился после удара по затылку и его притащили в комнату охраны. А шевельнуться не может, потому что при ударе ему повредили какой-нибудь нерв или даже целую область мозга. От такой догадки Коленьке стало нехорошо, ему совсем не хотелось про-

вести остаток жизни прикованным к кровати инвалидом. С другой стороны, память вернулась быстро, никакой амнезии и прочих посттравматических недугов не наблюдалось, так что скорее всего с мозгами порядок, и возможно, его укололи каким-то препаратом, чтобы обездвигнуть, хотя смысл такого мероприятия и вовсе ускользал от понимания. Не слишком ли много чести для забулдыги, пытавшегося стащить пару монет? В любом случае приходилось признать, что он здорово влип и, хуже всего, что не понимает, во что именно его угораздило вляпаться. Неясность ситуации усугубляла вся эта странная обстановка: тёмный массивный стол, канделябры, свечи. Не очень похоже на подсобку охраны, где Коленьке, кстати, доводилось бывать. Впрочем, и на любое другое помещение музея это походило мало. Когда он работал здесь, свечи имелись только в экспозиции, рассказывающей о соответствующем промысле. Да и те, надо думать, были бутафорскими. Кому и зачем понадобилось устраивать подобный интим? Скорее всего он вообще не в музее. А тогда где?

Он размышлял так некоторое время, бросаясь от паники к любопытству и попытке анализа положения, когда наконец где-то справа щёлкнул фиксатор двери, раздались едва слышные шаги, и в узком секторе его зрения возникла девушка. На вид ей было лет восемнадцать-двадцать. Стройная фигурка превосходно подчёркивалась вечерним зелёным платьем, светлые чуть рыжеватые волосы свободно падали на плечи и спину, и только узкий обруч диадемы не позволял им захлестнуть золотистой волной мраморный (как показалось Коленьке в свете свечей) правильный овал лица. Девушка двигалась мягко, но как-то излишне строго, точно балерина на сцене. Она прошла к креслу, что стояло напротив, через стол, соскользнула в него, будто стекла, и молча, тщательно, не торопясь, стала разглядывать Грачевского. В её взгляде не было и проблеска сочувствия к жертве, каковой, несмотря на явный залёт, ощущал себя Коленька. Немного презрения, чуток раздражения, но в основном взгляд был изучающим и оценивающим, причём оценка, судя по всему, склонялась к невысоким рангам. Зато сам Коленька, как бы презрев обстоятельства, разглядывал девушку не без удовольствия и диву давался открытию, что в охранных структурах встречаются такие молодые и симпатичные сотрудницы. Он даже пожалел на миг, что своим налётом на фонтан сорвал её с какого-нибудь полицейского корпоратива, или где там она могла расхаживать в подобном наряде? Утро давно наступило, но ведь сейчас любят гулять до упора и разъезжаются по домам только к полудню. Впрочем, барышня вовсе не выглядела уставшей или помятой, какими обычно бывают после ночного марафона. Тут же мелькнула мысль, а что, если она врач и была вызвана в связи с его сулящей инвалидность травмой, отчего Коленьку вновь охватил приступ паники, на сей раз короткий. Тем временем девушка закончила предварительный осмотр, и взгляд её стал взглядом кулинару, которому вместо элитной вырезки подсунули тухлятину.

– Можете положить монеты на ткань, – произнесла она приятным бархатным голосом, но неприятным тоном, точно бархат посыпали толчёным стеклом.

Коленька вдруг ощутил, что до сих пор держит проклятый улов в руках, то есть, получается, его не просто взяли с поличным, но так, с поличным в руках, и доставили на допрос. А ещё он понял с великим облегчением, что способность двигаться к нему вернулась. Во всяком случае, такая способность вернулась к рукам, и Коленька с удовольствием воспользовался оказией, чтобы избавиться от влажных ещё монет. Он высыпал их на кусок фланели, расстеленный на столе прямо перед ним как будто специально для этого случая, а расставшись с уловом, почувствовал, как сильно озябли руки, и принялся согревать одной другую. Кончики пальцев слегка покалывало, однако боль понемногу уходила. Он шевельнул головой для пробы и увидел комнату целиком. Собственно, кроме стола с креслами и двух канделябров, здесь ничего и не было. Стены покрывала драпировка из тёмно-зелёной ткани, которая слегка переливалась в свете свечей. Шёлк или что-нибудь в этом роде.

– Николай Родионович Грачевский, – зачитала девушка с нелепой розовой карточки, размером чуть больше стандартной библиографической. – Тридцать шесть лет. Безработный. Без определённого места жительства.

Голос её под конец фразы показался Грачевскому каким-то тоскливым, разочарованным, словно она рассчитывала, что фонтан обчистит миллионер, чемпион мира по боксу или на худой конец учёный-ядерщик, владеющий московской пропиской.

– Прошу прощения, барышня, но последний пунктик несколько некорректен, – счёл нужным вставить Коленька. – У меня имеется квартира. Правда, пришлось её сдать внаём по причине предпоследнего пунктика вашего обвинения.

«Барышня» подняла взгляд, точно выхватила «кольт», и Коленька замолк. Возникшее было шутивное настроение пропало.

– Вам, сударь, пока что слова не давали, – холодно произнесла девушка, поднесла карточку к свече и подпалила угол. – К тому же прошлое теперь не имеет значения.

С опаской наблюдая за пожирающим карточку пламенем, он послушно молчал, хотя вопросов вертелось на языке масса. Его прекрасная и угрюмая собеседница выпустила догорающий клочок бумаги, пепел мягко спланировал куда-то в сторону, а она принялась барабанить пальцами по столу. Коленька между делом отметил ухоженные, но не длинные и не покрытые лаком ногти. На лице её следов косметики он не разглядел тоже, впрочем, возможно, девушка предпочитала естественные тона.

– А будущего у вас нет, – решила вдруг добавить она после длительной паузы.

Он вздрогнул, сразу как-то поняв, что та не шутит и даже не преувеличивает. Что всё случившееся с ним этим утром гораздо серьезнее, чем можно было бы представить, но ужас заключался ещё и в том, что и представлять-то ему было совершенно нечего, не от чего отталкиваться в размышлениях или фантазиях. И тут с ним внезапно случилась метаморфоза – он перестал ощущать себя Коленькой (так обычно называли его собутыльники и вообще случайные знакомые последнего времени), а стал Николаем, человеком куда менее легкомысленным, каковым он давненько себя не ощущал. Девушка заметила эту внутреннюю глубинную метаморфозу и даже внесла корректировку в прежнюю итоговую оценку. Теперь она смотрела на него не как на тухлятину, но, скажем, как на кусок жилистого мяса, с которым всё равно предстояло, так или иначе, работать. В уксусе там вымочить или молоточком отбить. Или пропихнуть через мясорубку.

– Вы совершили большую глупость, ограбив источник, – сказала она, скорее доводя до сведения, чем обвиняя.

– Есть такой грех, – со вздохом согласился он. – Осознаю, раскаиваюсь.

– Вероятно, раскаиваетесь, – кивнув, произнесла ледяным тоном девушка. – Но вряд ли осознаёте.

– Уж как могу, так и осознаю, барышня, – возразил Николай. – Монеты все вот они, возвращаю. И готов понести ответственность перед законом.

– Закон тут ни при чём! – строго поправила его девушка. – А монеты возвращать уже поздно. Тетива пропела песню прощания, и стрела судьбы пущена.

– Не понимаю. Это что, цитата? И к чему эти метафоры? Тетива, песня, стрела.

– Да, всё не так легко понять, к сожалению, но ещё труднее будет принять. – Девушка чуть качнула головой. – Говоря попросту, вы не можете вернуть монеты мне или, скажем, положить их обратно в фонтан.

– Не могу, – обречённо вздохнул Николай. – Хотите всё же сдать меня полицейским? А смысл? Тут не такая уж крупная сумма. На уголовное дело никак не потянет. В лучшем случае на мелкое хулиганство. Административка. Ну дадут мне, допустим, пятнадцать суток. Максимум. Если и оштрафуют, то в пользу казны. Вам-то с этого какой прок?

– Проку с полиции никакого, это правда, – согласилась девушка с прежней тоской. – И чего бы вам было не оказаться каким-нибудь профессиональным злодеем, взломщиком или налётчиком, тогда появился бы, возможно, шанс...

Это признание в очередной раз поставило Грачевского в тупик. Ей что, нужен настоящий злодей, для отчётности? Мелким алкашом начальство уже брезгует? Медаль не дадут, что ли, премию?

– Профессиональные взломщики фонтаны не грабят, – заметил он.

– То-то и оно, – согласилась она с явным искренним сожалением. – В этом-то и беда. А с вами, боюсь, ничего у нас не получится.

Даже не представляя, что могла иметь в виду незнакомка, Николай почувствовал себя уязвлённым. Получится, не получится, понимаешь. И не важно, что именно. Как можно оценивать человека по трём строчкам на розовой карточке, как будто он плюшевый заяц, а на бирке указан состав набивки и соответствие изделия европейским стандартам?

– Вы бы толком-то рассказали, барышня, в чём проблема? – разозлился он. – А там уж посмотрим, получится чего или нет. В конце-то концов, я же вернул монеты. Всё до копейки вернул. Можете обыскать меня, если не верите.

– Возвращать поздно, – повторила она и пожала плечами, как будто произнесла что-то банальное. – Вы уже взяли монеты и теперь обязаны отработать их.

– Отработать?

– Именно. – Она улыбнулась, впервые за всё время их странной беседы. Впрочем, её демоническая улыбка не предвещала ничего хорошего. В лучшем случае пожизненную каторгу на урановых рудниках.

– Чем же я могу загладить свою вину?

– Не загладить, а отработать, – поправила она.

– Хорошо, отработать, – поморщился Николай.

У него вдруг зачесалась лодыжка, но он никак не мог дотянуться до неё незаметно, а нагибаться и выпускать из вида собеседницу отчего-то опасался. Один раз уже нагнулся. Он попробовал почесать носком ботинка, но зуд только усилился.

– Как вам объяснить, – между тем сказала незнакомка. – Дело в том, что люди бросали монетки в фонтан не просто так, они загадывали желания.

– Да, здесь такая традиция, – согласился Николай. – Очень старая и добрая городская традиция.

– Хорошо, что вы это понимаете, – кивнула девушка. – Люди бросали монеты и загадывали желания. А значит что?

– Что?

– Теперь вы обязаны выполнить их.

– Обязан? – удивился Грачевский. – С какой стати?

– Тот, кто взял монеты, тот и обязан. Чего же тут неясного? – спросила она удивлённо, но её удивление выглядело немного фальшивым.

– Обязан выполнять всю ту чушь, что загадывают праздные туристы? Смеётесь?

– Отнюдь. – В её голосе прибавилось железа. – И это не моя блажь и даже не род наказания. Считайте, что это нечто вроде заклатья или проклятия, если угодно.

– Заклатья? Постойте-ка, мы говорим о...

Он пошевелил пальцами в воздухе, точно играя на невидимом пианино, но так и не смог подобрать корректное определение.

– Да. Именно об этом. А точное определение не имеет значения. Можете не утруждать мозг.

– Так... – Николай посмотрел на собеседницу абсолютно серьёзным взглядом. – Лучше сдайте меня в полицию, барышня, и закончим на этом.

Ещё не хватало связываться с сумасшедшими или тем паче со всякими там мистическими ложами, сектами эзотериков, экстрасенсами и разной оккультной гадостью, расплодившейся в последние годы.

– О полиции можете не мечтать. – Железо в голосе сменилось сталью.

Николай на миг похолодел, живо представив своё расчленённое тело и окровавленные орудия пыток вроде тех азиатских кривых ножей. Ему приходилось читать о подобных ужасах в жёлтой прессе, да и среди бомжей слухов ходило немало. Кто сказал, что маньяки должны быть обязательно уродливыми и старыми озабоченными мужиками?

– Я не из охраны музея, если вы ещё не поняли, – видя его смятение, сочла нужным уточнить собеседница. – Я хозяйка источника. Настоящая его хозяйка.

– Чёрта с два, барышня! – скорее по привычке, чем испытывая такую потребность, возразил Николай. – Фонтан входит в комплекс Музея традиционных ремёсел, а музей, если мне память не изменяет, принадлежит Фонду поддержки народного творчества. Я там работал некоторое время, так что меня на мякине не проведёшь.

– Разве я говорила о фонтане? Фонтан – это камень, скульптура, бассейн. – Она пожала плечами, но сделала это с такой грацией, что у Грачевского захватило дух.

– Что? – Он едва удержался, чтобы не помотать головой, стряхивая наваждение.

– Фонтан действительно входит в музейный комплекс, – пояснила девушка. – Но родник, источник, его сущность, его воды, его сила принадлежат безраздельно мне. Это даже не личная собственность, а исконное владение рода. Владение, добавлю, не передаваемое, не продаваемое и не отчуждаемое каким-либо образом, но исключительно наследуемое. Мне источник достался от бабушки, а ей перешёл по наследству тоже от бабушки, и так до самой Праматери, которая владела им в те давние времена, когда здесь не было не то что музея, но и города, и даже поместья, а стояла священная роща и бил родник.

– Мне нужно выпить, – выдохнул Николай.

Голова вновь заболела. Он и без того с трудом продирался сквозь нагромождение смыслов и новых вводных, но теперь, кажется, застрял намертво. Девушка ещё раз пристально всмотрелась в него и, что-то решив про себя, кивнула. Затем весьма изящно щёлкнула пальцами. Свечи на канделябре, что стоял слева от него, мигнули и прибавили яркости, будто электрические лампочки при сбое на подстанции. Николай перевёл взгляд на пламя, а когда вернул, то обнаружил перед собой, чуть правее фланели с монетами, стакан, на треть наполненный кубиками льда и до половины – притягательной янтарной жидкостью. Грачевский цапнул стакан, сделал быстрый, но осторожный глоток и понял, что в жизни не пил столь превосходного бренди. Хотя, вполне возможно, напиток лишь показался ему превосходным в силу обстоятельств и мучившей с самого утра жажды. Во всяком случае, настойка боярышника, на которую он только и рассчитывал всего пару часов назад, перестала быть пределом мечтаний.

Чего-то, однако, не хватало для полного счастья. Он сделал ещё глоток, приходя понемногу в себя и пытаясь сформулировать требование к мирозданию, но формулировать не пришлось. Он зажмурился от удовольствия, постигая вкус бренди после очередного глотка, а когда раскрыл глаза, то увидел слева от фланели с монетами пачку сигарет «Давыдофф», бензиновую зажигалку и хромированную пепельницу. И тут он вспомнил, что пока прикрывал глаза, его прекрасная собеседница вновь щёлкнула пальцами. Он опять оказался сбит с толку и посмотрел на девушку чуть ли не затравленно.

– Курите, – разрешила она. – Зачем бы я ещё стала предлагать сигареты?

– Богиня, – буркнул он, восхищаясь одновременно её красотой, проницательностью и отбрасывая повисшие было вопросы, за которыми могла обнаружиться бездна.

Ловко распечатал пачку и, выбив щелчком тугую сигарету, прикурил. Выпустив первый невкусный дым, сделал глубокую затяжку и вновь зажмурился от наслаждения.

– Я вовсе не богиня, – возразила она между тем. – Хотя, с вашей точки зрения, разница, наверное, несущественна. Кстати, мне пора представиться, поскольку ждате okazji, пока нас представят по всем правилам, нет времени. Меня зовут Айви. И да, мы можем обойтись без титулов и всего прочего в этом роде.

Она, конечно, не встала и не поклонилась, а напротив, выпрямила максимально спину и высоко подняла голову.

– Очень приятно, – сказал он, слегка кивнув. – Моё имя вам известно. Можете называть Николаем или как вам будет угодно.

– Итак, сударь, вы что-нибудь слышали о мифологии? – перешла к делу Айви.

– Обижаете, барышня. – Он аккуратно выпустил дым к потолку. – У меня высшее образование как-никак.

– Для высшего образования от вас слишком сильно несёт перегаром.

– Что вы вообще знаете о высшем образовании? – нарочито возмутился Грачевский.

– А что вы понимаете в магии? – Девушка слегка пожала плечами. Получилось очень изящно.

– Эти ваши фокусы впечатляют, – признал Николай. – Но, знаете, в тёмной комнате с таким переплетением теней от мерцающих свечей можно устроить всё что угодно, любую иллюзию.

– Вот как? Значит, иллюзию?

– Да.

Она пристально взглянула в его глаза, но потом махнула рукой. Наверное, решила не устраивать показательные выступления, что с её точки зрения, разумеется, отдавало бы ребячеством, подрывало репутацию и роняло достоинство.

– Не важно, – сказала Айви. – Слишком долго объяснять. Со временем поймёте. Воспримете. Признаете.

Она ещё подумала и решилась:

– Короче говоря, присвоив монеты, вы связали себя очень крепким обязательством. Очень и очень крепким. Заключили амрун, или, говоря попросту, магический контракт. И не со мной заключили, а с силами, определяющими порядок вещей, то есть с самим мирозданием. Причём исполнить этот контракт вы теперь должны лично. Другие могут помочь вам, не более. Советом или действием. Но не особо рассчитывайте на подобную помощь. Справиться с обязательством вам предстоит самому.

– Кажется, я читал нечто похожее в одной истории про маленького волшебника, – заметил Николай. – Вроде бы ему уготовано было заклятие во имя великой цели, но парень как-то выкрутился.

– Извольте, если вы настаиваете на художественных аналогиях. – Айви слегка скривилась. – Однако чужой опыт, тем более вымышленный, вам не слишком поможет. Важно понять, что существуют определённые границы, правила, чего можно делать и чего делать нельзя.

– Например...

– Например, вы не можете закрыть амрун, используя насилие или что-то иное, противоречащее принципу свободной воли клиента. Не можете, скажем, загипнотизировать человека и внушить ему, что он уже получил желаемое, не можете создать иллюзию, если таковая сама по себе не является его желанием.

– Да я, собственно, и не умею.

Николай пожал плечами, выцедил сквозь кубики льда остатки бренди и вдавил сигарету в пепельницу.

– Разумеется, не умеете, – согласилась Айви. – Я просто посчитала себя обязанной очертить вам условия контракта. Они весьма жёсткие, но не настолько, как, скажем, законы термодинамики. Их нельзя нарушить, но в ряде аспектов можно обойти.

– Как именно?

– Об этом мы поговорим ближе к делу, если, конечно, оно вообще состоится...

...Некоторое время Грачевский переваривал входящую информацию. Он пытался понять или по крайней мере рационально объяснить услышанное, но одновременно искал какие-нибудь зацепки, чтобы опровергнуть чуждые его мировоззрению факты. Зацепок не находилось. Он поискал глазами бутылку, но не обнаружил и её тоже. Следовало потянуть время и разобраться во всём постепенно. С кондачка тут явно не разрулить.

– Мне было бы проще, – произнёс он осторожно, – ну то есть, пока я не разберусь во всём, было бы проще, чтобы вы прямо говорили, что нужно делать.

Айви смотрела на него мрачно, словно размышляя, насколько он искренен и вообще, выйдет ли из парня толк или лучше пристрелить недоумка сразу, чтобы не путался под ногами. Но, видимо, решила дать ему шанс.

– Соберите монеты, – распорядилась она, а сама встала и двинулась к шкафчику, которого Николай раньше не замечал, поскольку тот сливался с драпировкой.

– Все до одной, это важно! – добавила она, обернувшись от шкафчика.

Николай прикурил ещё одну сигарету и сделал пару затяжек, размышляя, куда бы сложить монеты, но ничего особенного не придумал, а, загнув углы, соорудил из куска фланели узелок и уже его засунул в карман. Затем, промедлив мгновение, сгрёб со стола пачку сигарет и зажигалку. Между тем хозяйка вернулась от шкафчика в полупрозрачном плаще с небольшой дорожной сумкой на плече. Она взмахнула рукой, очертив воображаемый прямоугольник, и в стене открылся светящийся по краям портал размером с обычную дверь. Свет походил на свечение гнилушек, но усиленное в сотни раз. Утомлённый мозг Грачевского машинально взялся решать очередную загадку и, конечно же, подобрал без труда подходящее объяснение: девушка просто сдёрнула драпировку, а проход существовал здесь всегда. Что до подсветки, то современные технологии...

– Двигайтесь! – нетерпеливо и жёстко велела Айви, прерывая мутный поток его размышлений.

Николай шагнул в проём, стараясь не задеть светящуюся границу. Неожиданно его лицо ощутило напор свежего ветра, а сам он оказался в незнакомом парке под проливным дождём. Вернее, на самой окраине парка, под массивным дубом, который, несмотря на осень и частично опавшую листву, ещё был в силах прикрывать от дождя. Грачевский не узнал местность и не понял, как смог очутиться тут. Он уже догадался, что его допрашивали не в подсобке охраны и не в подвале музея, но тогда где? А ведь рядом не было никакого строения. Николай пригляделся к дереву, нет ли в нём какого-нибудь дупла или потаённой дверцы и хода, ведущего из-под земли. Но дуб на первый взгляд казался самым обыкновенным дубом.

– Забирайтесь в красный «Транспортёр»! – негромко произнесла Айви, выйдя неожиданно из-за массивного ствола.

И он, отбросив размышления и поиски рационального, шагнул под дождь.

Несколько сотен автомобилей стояли на асфальтированной площадке, которая начиналась в десяти метрах от парка. Красный фургон поблизости был только один. Пока Грачевский обходил по-хамски притёртый «Ниссан» и лужу, а потом пытался открыть дверь, чтобы не поцарапать соседа, девушка оказалась на месте. Она уже сняла плащ и как раз переобувалась, меняя туфли с высоким каблуком на кроссовки. С диадемой и в вечернем платье она смотрелась за рулём фургона несколько ирреально и абсолютно сногшибательно. Николай даже замешкался. Хотя, возможно, причиной тому была не девушка, а футляр от скрипки, лежащий на месте пассажира.

– Осторожнее.

Айви взяла футляр, подержала его на весу, пока Грачевский устраивался в кресле, а потом сунула ему в руки. Сама же запустила двигатель, что характерно – с полуоборота, и вскоре фургон медленно тронулся.

– Играете на скрипке? – спросил Николай.

Девушка ответила не сразу, так как выводила автомобиль с забитой стоянки и не желала отвлекаться.

– Вообще-то в футляре не скрипка, – сказала она наконец.

– А что тогда, автомат?

– Как вы догадались? – Она спросила без удивления, но и без ехидства, словно чтобы просто поддержать разговор.

– Это же классика, – ответил он. – Гангстерские фильмы, пародии на них и пародии на пародии. Футляры от виолончели и гитары хорошо подходят для снайперских винтовок или пулемётов, если те не имеют съёмного ствола. А в скрипичный футляр любят прятать разного рода автоматы и пистолеты.

– Наверно, – равнодушно проронила Айви.

– Вы не смотрите гангстерские фильмы, – догадался Николай.

– Не смотрю.

Когда они выехали на широкий проспект, Николай вдруг понял, что не узнаёт города. Вот вроде бы и дома типовые, а что-то не так. То ли ширина улиц, то ли интенсивность движения, освещённость, краски, деревья. Уловить невозможно, но в итоге не то, и всё тут.

– Где мы? – спросил он.

– Это Ярославль.

– Шутите?

– У меня нет настроения с вами шутить. Не верите – посмотрите на регистрационные номера.

Николай посмотрел. Часто в потоке мелькали московские двойные и тройные семёрки, не без этого, а где они не мелькают? Но большинство региональных номеров значили на единичку меньше. А как известно, номера присваиваются по порядку, в котором республики и области перечислены в Конституции. И порядок этот алфавитный. Шевеля пальцами, Николай попытался припомнить какую-либо область, идущую позже по алфавиту, чем Ярославская, и понял, что скорее всего спутница права.

– Но как мы здесь оказались?

– Вам было мало доказательств, что всё это не иллюзия, не розыгрыш, не ваш алкогольный бред?

– Понял. Меня без сознания от фонтана перевезли сразу сюда, в Ярославль, но подсознание считало, что я всё ещё в здании музея.

– Сдаётся, вас ничем не проймёшь! – фыркнула Айви. – Будете гнуть свою линию, пока по бетону не размажет.

Николай закрыл глаза. Пока всё случившееся плохо укладывалось в голове, что усугублялось возвращением болезненных последствий неумеренного потребления алкоголя и лёгких наркотиков. С другой стороны, ехать в неизвестность в тёплой машине с прекрасной незнакомкой было куда приятнее, чем бродить по холодным улицам в поисках выпивки и обеденных ништяков. Во всяком случае, его положение казалось приемлемым до тех пор, пока не пришло время выполнять обязательства, в чём бы они ни заключались. Но с другой стороны, звучащие то и дело непонятные намёки и даже угрозы вносили в жизнь определённый дискомфорт. С тех пор как Коленьку поймали на горячем и огорошили новостью про некий долг перед бросающими монетки туристами, мозг лихорадочно искал зацепку, способную найти выход, защититься от нелепых претензий и при этом удерживать рассуждения в рамках логики. И вот теперь

то ли угроза размазывания по бетону придала течению мысли нужное ускорение, то ли истекло время, необходимое для вызревания идеи, но наконец его осенило.

– Вот что я вам скажу, барышня. – Он открыл глаза и с довольным видом откинулся на спинку. – Все эти бредни про туристов с монетками можете впаривать кому-нибудь другому. Я вам не верю. Как человеку образованному и далёкому от суеверий, мне стыдно признаться, но в прошлом году я кинул в этот дурацкий фонтан последний полтинник и загадал, чтобы мне подвернулась нормальная работёнка. И что же я получил? Кукиш! Ни один лысый чёрт с рожками, не говоря уж о прекрасных дамах, так и не предложил мне ничего путного, даже в обмен на душу.

Николай состроил торжественное выражение на лице, но ощущать себя победителем ему пришлось недолго. Айви его аргументация несколько не обескуражила. Мало того, даже интереса особого не вызвала.

– Да потому что среди нас, хранителей источников силы, дураков нет! – Она лишь чуть-чуть повысила голос. – Никто и не думал брать на себя ответственность за непредсказуемые желания людей. Ни я, ни кто-либо ещё по моему поручению не выгребал эти монеты из фонтана. Не присваивал их себе!

– Монеты собирает дворник Рашид, – сказал Николай.

– Верно. И Рашид передавал улов музейному смотрителю Варварину, а тот сдавал его в бухгалтерию, а бухгалтерия в банк, и уже тот перечислял сумму на счёт детского дома. Таким образом, никто из тех, кто знает о сути источника, о его силе, не участвует в операции вовсе, а тот, кто знает лишь о фонтане, не берёт монеты себе в качестве приза. На конце же цепочки их получает детский дом в виде жеста благотворительности. Мне много трудов стоило так всё хитро устроить. И это работало годами! Но по вашей милости в системе произошёл сбой. А пустячный туристический ритуал становится обязательством, если кто-то посягнул на монеты как на источник обогащения. Амрун!

Мятеж логики был подавлен, волшебное взяло верх, и Николай умолк.

* * *

Он почувствовал, что Айви сбросила скорость, и перевёл взгляд с неё на дорогу. Навстречу фургону как раз шагнул гаишник, указывая полосатым жезлом прямо на них. Наверное, в этом не было ничего страшного. Вряд ли у его спутницы были проблемы с документами. Однако девушка решила иначе. Она потянулась к одному из плетёных шнурочков, что украшали, как до сих пор считал Николай, лобовое стекло, и ловко (для работы одной рукой) завязала на нём узелок. Затем взмахнула, точно отмахиваясь от назойливой мухи. И вдруг гаишник, вместо того чтобы указать им на обочину, лихо крутанул жезлом, отпуская фургон с миром.

– Ловко! – восхитился Николай. – Настоящие джедайские штучки!

– Джедайские? – переспросила она, явно плохо понимая, о чём идёт речь.

– Ну это вот всё. – Николай провёл рукой, не столько подражая её недавнему жесту, сколько тому, что видел когда-то в кино.

– Это узелковое ведовство, – сказала Айви.

– Узелковое? Первый раз слышу.

– Когда кто-то сплетает пальцы, чтобы защититься от сглаза, то просто подражает этой старинной магии, – сказала Айви. – В принципе не так важно, что именно плести или завязывать в узлы. Важно, что узел даёт власть, а его развязывание – освобождение.

– То есть этот гаишник...

– Всё относительно. Сейчас нам встретился обычный полицейский, а фургон не находится в розыске. Я отвлекла его на пару минут, не больше. Но он ничего не забыл. Просто, даже осознав спустя некоторое время, что зря отпустил нас, повинуюсь непонятному для себя

порыву, он не станет дёргаться. Добычи на дороге много. Но вот если с фургоном будет что-то не так, то, очнувшись от короткого наваждения, полицейский поднимет тревогу, а его коллеги начнут преследование, и тогда никакая магия не спасёт. Правда, у нас есть особые тропки.

– Тропки?

– Когда-то они были тропками, но теперь скорее просёлочные дороги.

Вскоре девушка повернула руль, и фургон сошёл на одну из таких дорог. Со стороны шоссе съезд казался проплешиной в лесу.

– Обычные люди их не замечают, а мы пользуемся.

– Для чего?

– Они здорово сокращают расстояние.

Минут десять тряски по просёлку, и фургон опять выбрался на шоссе через малозаметный технический выезд. Уже по разметке и ограждению Николай понял, что они очутились на каком-то автобане или хайвее. Вскоре его подозрения подтвердил указатель на немецком языке.

– Удобно, – буркнул Николай. – Бензин экономит опять же.

– У нас дизель, – возразила Айви.

Глава 2

Контагиозная машина

В его проклятом улове преобладали российские монеты – в рубль, два и пять рублей, встречались американские в пять и десять центов, четвертаки и несколько европейских и азиатских монет разного номинала. Николай прикинул сумму и ужаснулся. Если бы даже удалось обменять иностранную мелочь по курсу, что, вообще говоря, малореально, поскольку банки и обменники не принимают иностранные монеты, то даже тогда всего улова едва хватило бы на пузырьёк с настойкой боярышника. А опохмеляться боярышником – то ещё удовольствие. И вот из-за такой ерунды он влип в... во что, собственно?

Это ещё предстояло выяснить, но чутьё подсказывало Николаю, что его положение окажется той ещё кучей дерьма.

– Есть ли у нас план? – спросил он.

– План прост, – ответила Айви. – Нужно изучить жертвенные монеты и точно выяснить желания, а потом найти тех туристов, что бросили монетки, и, собственно, исполнить загаданное.

– Это понятно, поскольку логично. Непонятно, как это сделать? – сказал Николай.

Айви промолчала. Он подумал и предложил:

– Вообще-то за двориком музея следит камера, и она пишет со звуком, а охрана должна хранить записи несколько месяцев. Можно выкрасть их и посмотреть. Идентифицировать без базы данных будет непросто, но хотя бы какая-никакая зацепка.

– Хорошо, что вы всё-таки решили сотрудничать и начали думать в нужном направлении, – не без сарказма заметила Айви. – Но вариант с камерами нам не подходит. По видеозаписи, знаете ли, не определишь, кто и какую монету кинул. А нас интересует лишь несколько дюжин из многих тысяч глупых туристов. Поэтому вот как мы поступим. Заедем в одно тайное место, и там нам помогут.

– Как скажете, – пожал Николай плечами.

Айви вынула из бардачка хрустальный шар, размером с теннисный мяч, и протянула ему.

– Через него даже бесталанный в смысле магии человек способен разглядеть свечение жертвенных монет. Это то, что принято называть аурой, когда речь идёт о живых существах. Но для простоты мы часто применяем этот термин и к тем сполохам и свечениям, что присущи диантанам.

– Кому?

– Диантан – это, другими словами, магический артефакт. Бывают и не магические. Они тоже имеют ауру, но попроще.

Николай взял шар, выбрал одну из монет покрупнее и посмотрел. Она действительно испускала ореол, переливающийся разными цветами. Что могло, впрочем, оказаться и обычным оптическим эффектом, вызванным незаметным глазу движением руки и преломлением света в шаре. Кажется, в детстве одноклассницы забавлялись чем-то похожим. Чтобы проверить версию, он взглянул через шар на кончик собственного пальца и тоже увидел свечение. Оно отличалось интенсивностью и цветами от ореола монеты, что могло быть вызвано разницей в отражающей способности. Впрочем, прямо сейчас Николай не рискнул спорить с девушкой. В конце концов, кто из них владеет магической частью?

– А как по свечению вообще можно понять, кто и что пожелал? – спросил он.

– Раньше и правда приходилось нелегко, – кивнула Айви. – Ауру долго изучали, при разнообразном освещении – при свете солнца, луны, лучины или свечи пытались расшифровать, порой гадая, нежели зная наверняка. А затем наступала пора действовать, чаще всего на

глазок, интуитивно, при том что любая ошибка могла закончиться фатально. До сих пор у нас пользуются популярностью чтецы-мудрецы, что разгадывают ауру традиционным способом, это бывает исключительно полезным в особенно тяжёлых и запутанных случаях. Для всех же прочих случаев лет сто назад изобрели контагиозную машину и поставили дело расшифровки на поток.

– Какую машину?

– Контагиозную. И не спрашивайте, что это означает, я не знаю. По сути, она является алхимическо-механическим агрегатом, который переводит свечение ауры в графические символы.

– Может, это от английского слова «монета»? Койнт? – предположил Грачевский. – Может быть, она Койнтагенозная?

– Машина переводит в графику ауры не только монет, но любых диантанов.

– Понятно.

– Представьте себе что-то отдалённо похожее на спектроскопию, но имеющее дело с воздействиями иной природы, нежели привычные вашим физикам.

– Допустим.

Николай ещё раз посмотрел сквозь шар на монету и увидел, что аура не просто окружает её и дрожит, а словно истекает вовне. Как будто неведомая энергия мало-помалу уходит от вещи. Впрочем, скорее всего так дело и обстояло.

– Нам нужно спешить? – на всякий случай спросил он.

– Да.

– Эти монеты заряжены на определённое время, словно аккумуляторы?

– Нет, вообще-то точного срока не установлено. Гипотетически желание можно исполнить через год или через десять лет.

– Отлично. – Николай перевёл дух. – Значит, можно особо не париться.

– Париться всё же придётся, – довольно холодно возразила Айви. – Если кто-то из бросивших монету умрёт или погибнет, а его желание связано с ним самим, как зачастую и бывает, вы уже никогда не сможете его выполнить. Или, скажем, если желание связано с другой персоной или с каким-то событием, или ограничено в сроках как-то ещё. Не все дамы, знаете ли, готовы ждать принца до старости.

– Хорошенькое дело. Вот, кстати, про принца мне не очень нравится тема. А есть ещё ведь и мужики одержимые. А что, если они пожелали новый «Феррари» или ночь с Эммой Ватсон?

– Кто-нибудь наверняка пожелал, – с неизменной зловещей улыбкой кивнула девушка. – И если подумать, это теперь большая проблема. К сожалению, не только ваша, но и моя...

...«Транспортёр» нырнул в подземный гараж, расположенный под многоэтажным офисным зданием. Парковка оказалась автоматизированной: на мониторе высвечивались зелёным свободные места, разбитые по уровням, и водитель сам мог выбрать подходящее. Впрочем, им выбирать особенно не пришлось. Рабочий день был в разгаре, и свободное место нашлось только на самом нижнем уровне. Но Айви это, похоже, как раз устраивало. Едва получив парковочный талон, она направила фургон вниз, словно атакующий жертву хищник или истребитель.

Прихватив из кабины небольшой рюкзачок, Айви потащила Николая к лифту, где его поджидал очередной сюрприз. Спутница вставила в скважину ключ и нажала на кнопку, в результате чего лифт отправился вниз, а не вверх. Хотя внизу ничего не должно было быть, кроме разве служебных коридоров и различных коммуникаций. Такое до сих пор он видел только в шпионских фильмах.

Открыв двери, лифт выпустил их в коридор, который больше походил на тоннель метрополитена, только вместо набора из тубингов его свод выглядел монолитным, поскольку был

покрыт штукатуркой. Цепочка маленьких лампочек под сводом тускло подсвечивала казавшийся бесконечным подземный ход. Он, однако, не был прямым, а за изгибом их ждала стальная дверь с небольшим старомодным терминалом. Айви вставила в терминал карточку, похожую на кредитку, из неприметной щели выдвинулась клавиатура, на которой Николай не увидел ни одного знакомого символа. Девушка набрала код или, возможно, своё имя, причём Николай не смог разглядеть, на какие клавиши она нажимала, потому что как раз в это время клавиатуру прикрыло каким-то светящимся туманом.

Раздался щелчок, толстые стальные двери, какие бывают в банках и бомбоубежищах, разошлись в стороны. Они шагнули в помещение, всё свободное пространство которого было заставлено шкапами, комодами, корзинами, какой-то рухлядью, а на стенах висели африканские маски, офорты с жуткими сюжетами и целая коллекция часов с длинными маятниками или гирями на цепочках. Поскольку свод и здесь оказался круглым, предметы не прилегали к стенам вплотную, а отходили от них и свисали вертикально, точно ёлочные игрушки.

Света, что проникал сюда из коридора, явно не хватало, а потому Айви сперва зажгла несколько свечей и уж затем провернула блестящее колесо, торчащее из стены у входа. Створки дверей двинулись навстречу друг другу и, гулко ударившись посередине, отсекали комнату от коридора.

– Зачем это? – забеспокоился Николай, почувствовав внезапный приступ клаустрофобии, обычно ему несвойственный. – Мы потом сможем их открыть?

– Нам нужна полная изоляция.

Изоляция действительно ощущалась полной. Даже воздух вроде бы сгустился, создавая избыточное давление. Извне сюда не проникало ни молекулы вещества, ни кванта света и ни нотки звука. Айви в вечернем платье с подсвечником в руке выглядела как призрак. И двигалась плавно, точно призрак, по проходам между нагромождениями мебели. Найдя искомое, она сняла пыльное покрывало с одного из комодов, который оказался при ближайшем рассмотрении вовсе не комодом. Он напоминал отчасти копировальный аппарат, если бы их выпускали, скажем, в восемнадцатом веке, а отчасти был похож на автомат по продаже билетов, но явно не являлся ни тем ни другим. Николаю пришёл вдруг на ум тот знаменитый клавесин, на котором сумасшедший испанский король измывался над кошками. Только здесь вместо привычных фортепианных клавиш торчали медные рычажки, кнопки вроде тех, что управляют клапанами на духовых инструментах, вентили и непонятные измерительные приборы со стрелками. А ящики позади пустовали.

– Надеюсь, нам не придётся засовывать туда кошек? – шёпотом произнёс Николай.

Айви не ответила, лишь ухмыльнулась. Пока он размышлял о возможной судьбе кошек, она достала из маленького кошелька дюжину блестящих крупинок и бросила по одной в каждый ящик. Затем залила их жидкостью из жёлтой канистры и зажгла прикреплённые к пробковым кружкам свечи. Всё это выглядело красиво, но совершенно бессмысленно.

– Высыпайте ваши монеты сюда. – Айви сунула ему под нос небольшой контейнер или даже ящичек вроде тех, в каких хранят картотеки.

Николай загрузил монеты, а девушка вставила ящичек в машину. Затем она задула свечу в подсвечнике, так что помещение освещалось теперь только пламенем тех свечей, которые плавали на пробковых кружках.

– Пока работает машина, ни звука! – предупредила она, повернула несколько рычажков и нажала кнопку.

Внутри автомата что-то тихо гудело, бряцали монетки, совершая путешествие по лабиринтам металлических потрохов, как в автомате, продающем газировку, то и дело вспыхивало и прокатывалось волной зеленоватое свечение. Монеты с приятным звуком крупного выигрыша в казино одна за одной падали в особый накопитель, правда падали редко, раз в несколько минут, а из небольшой щели очень медленно выползала и свёртывалась в подобие свитка широ-

кая бумажная лента знакомого уже розового цвета с напечатанными блоками иероглифов и значков. Грачевский считал себя образованным человеком, но принадлежность иероглифов к какому-то известному языку определить не смог. А вот некоторые из значков ему прежде попадались. Вроде бы они обозначали планеты и металлы в прописях алхимиков и были унаследованы астрономами позднего времени.

– Похоже на поэтический сборник, – заметил Николай, получив разрешение говорить. – Это китайские иероглифы?

– Есть и китайские, хотя ими мы пользуемся очень редко, – ответила Айви. – Но на свитке не только иероглифы, встречаются и руны, и сгиллы, и буквы греческого алфавита. К тому же здесь использовано особое сакральное письмо со множеством смысловых уровней. Так что подлинное значение зависит от мельчайших деталей, например, от наклона или толщины линии.

– А вы не могли бы перевести всё это для меня?

– Перевести? – Она удивилась. – Это не совсем то же самое, что книга или письмо. Я постараюсь, конечно, со временем прочесть.

Айви вытащила накопитель и пересыпала монеты в холщовый мешочек с серебристым шнуром, предназначенным, чтобы носить этот мешочек на шее, а быть может, привязывать его к поясу или чему-то более крупному.

– Держите. – Она протянула мешочек ему.

– Постараетесь прочесть? – переспросил он, надевая его на шею. – Со временем? Мне казалось, что мы должны получить более чёткие инструкции, куда отправимся и что будем делать?

– Толкование записей, выданных машиной, основано на весьма зыбкой почве. За сто лет мы толком не набрали нужной статистики, чтобы вывести какие-то твёрдые закономерности и создать для машины чёткие алгоритмы, так что переложить записи на человеческий язык я смогу лишь в общих чертах, а поспешив, могу понять какой-то символ неправильно и в результате ошибиться с итоговым смыслом.

– То есть гениальная машина не слишком помогает.

– Пожалуй, её результат нельзя назвать абсолютным. Но это, поверьте, огромный прогресс по сравнению с толкованием спектральных линий в хрустальном шаре, который практиковался в Средневековье, я уж не говорю о гадании на потрохах и всего прочего в таком роде.

Между тем свечи, что плавали в ящиках, погасли, и они некоторое время продолжили препираться в полумраке. Причём перешли на шёпот, как будто сила их голосов зависела от освещённости.

– Но если мы начнём исполнять вовсе не то, что нужно? – прошептал Николай.

– Я надеюсь, со временем мы расшифруем всё как надо, – ответила Айви, чиркнула обыкновенной спичкой и потянулась к подсвечнику. – А подтвердить правильность догадки проще простого – когда подлинное желание будет выполнено, строчки на свитке исчезнут, а жертвенная монета сменит ауру на рабочую.

– Ясно! – Николай попытался убедить себя, что ему действительно ясно. – И с чего мы начнём? Вы уже можете растолковать хоть что-то?

– Нет, разумеется. Я не занималась этим много лет. Мне нужны справочники, словари, книги толкований, возможно, гримуары.

На последнем слове Николая передёрнуло. Второй раз за короткое время его воображение явило окровавленных кошек. Хотя он не мог точно припомнить, откуда возникла подобная ассоциация?

– Гримуары, это когда котят мучают? – уточнил он.

– Нет, это справочник так называется. Что-то вроде поваренной книги чёрного властелина, если переводить на понятные вам архетипы.

– Про котят?

– Вы совсем чокнулись на котятах? Какие-то проблемы? Мучают детские воспоминания?

Он не ответил, и Айви пожала плечами.

– Не думаю, что там много пишут про котят, – сказала она. – Хотя и не исключаю такой возможности полностью. Однако я не собираюсь следовать какой-либо рецептуре, мне просто нужно уточнить значения некоторых символов.

– Хоть одна хорошая новость. – Николай перевёл дух. – Но таких книг нет в публичной библиотеке, я угадал?

– Угадали. Я позвоню одному... скажем так, знакомому, и он нам поможет. И есть ещё кое-что.

– Что? – Николай похолодел от тона, которым она сделала последнее замечание.

– Одна из записей вызывает у меня беспокойство. Что с ней не так, я сказать пока не могу. На вид она более обычного неровна и расплывчата, точно чернила выцвели или закончились, или засорилось перо, но ни то, ни другое, ни третье. Какая-то неопределённость заложена в самой сути записи.

Айви не успела развить свою мысль, а Николаю не удалось до конца понять и воспринять происходящее, как ситуация в очередной раз резко изменилась. Раздался мощный удар, будто кто-то врезал кувалдой по стальному листу. С потолка посыпались пыль и побелка. Девушка сперва побледнела, потом нахмурилась.

– Проклятье! – Кажется, она впервые потеряла невозмутимость.

– Что? Кто-то ещё претендует на волшебную машинку? – не без ехидства спросил Николай. – Не я один, выходит, такой дурак.

– Если бы им нужна была только машина, они просто подождали бы, пока мы уйдём.

Раздался ещё один удар, гораздо сильнее прежнего. На этот раз с потолка посыпалась не только побелка, но и куски штукатурки, мелкие камушки, крошка бетона. Шкафы пошатнулись, задребезжав стёклами, а со стен начали валиться разнообразные висевшие там украшения, часы, африканские маски. Они чуть было вновь не остались в темноте – подсвечник подпрыгнул, повалился набок, но Айви ловко его подхватила и водрузила на место.

– Ещё один такой толчок, и нас здесь завалит, – сказал Николай. – А ломаются, как мне кажется, со стороны двери.

– Верно. Но здесь есть запасной выход, – сказала Айви и принялась оттаскивать от стены шкаф.

На этот раз не появилось никакого светящегося портала – обычная железная дверь. Даже дверца, если сравнивать с главным входом.

– Поспешите, – сказала она прежним ровным голосом. – Охранные чары не выдержат долго.

Пригибаясь, они выбрались на винтовую лестницу и начали долгий подъём.

– Что всё-таки случилось?

Тем временем снизу донёсся звук очередного удара, который сменился продолжительным шорохом, словно тонны щебёнки ссыпались по железному желобу.

– У меня мало информации, но нам стоит поспешить.

– Спасибо, кэп, – буркнул Николай.

Айви порхала по ступенькам, как белка, он едва успевал за ней. В бок кололо.

– Толку от вас немного. – Она оглянулась. – Мы не прошли и половины, а вы уже запыхались.

– Пить вредно, курить вредно, – согласился Николай. – Я знаю.

Внизу раздался скрежет, затем радостные вопли, после чего по всей лестнице пошла дрожь от топота тяжёлых ботинок. Преследователи бросились за добычей.

– У вас есть граната?

- Зачем?
- Мы могли бы кинуть её вниз.
- Соображаете вы быстрее, чем бегаєте.
- Тут существует прямая связь.
- Гранаты у меня нет. Но есть кое-что получше.

Достав из небольшого кармашка на рюкзаке ожерелье или чётки, Айви сняла прозрачную бусинку с ниточки, прошептала что-то, почти касаясь бусинки губами, и бросила её вниз.

Взрыва, как предполагал Николай, не случилось. Но в воздухе ощутимо пахнуло жаром, а вскоре показались и отблески полыхающего внизу пламени.

* * *

Они выбрались на подземную парковку через небольшую, замаскированную под служебную, дверцу и поняли, что им повезло. Кто бы ни напал на подземный бункер, он не догадался приставить охрану к фургону или вовсе не знал о его существовании.

– Что это было? – спросил Николай, едва «Транспортёр» выскочил из подземелий парковки на свет.

– Драконья слёзка. – Айви даже в такой ситуации рулила уверенно, точно всю жизнь управляла фургоном. – Она вызвала огненный смерч.

– Ага, это вы про ту бусинку, но я, высказывая недоумение, имел в виду того, кто попытался нас завалить.

– Завалить, – задумчиво повторила девушка. – Понятия не имею. Но обычным людям туда не попасть. У этого места сильная защита, однако нашим врагам удалось взломать её довольно легко. Возможно, охотники за артефактами. Но я бы не стала рассчитывать на случайный налёт. Скорее всего охотились именно за нами. Теперь надо быть осторожнее и на дорогах.

– Я буду посматривать назад, – пообещал он.

– Я не об этом. Откройте футляр.

Николай послушался и, разумеется, обнаружил там автомат. Это была одна из вошедших в моду в последние годы переделок «калашников», выполненная под натовский патрон и затюнингованная почти до неузнаваемости. Плавные скруглённые обводы, словно у космического корабля из фантастических фильмов, качественная отделка из приятного на ощупь матового пластика, стильный пламегаситель, множество обвесов-прибамбасов, включая пресловутую планку Пикатинни. В общем, получилось весьма тактикульно, как выражаются на профильных форумах, и только стандартные кривые магазины, лежащие в том же футляре, выдавали давнюю родословную.

– Надеюсь, умеете с таким обращаться? – осведомилась Айви.

– Да, – буркнул Николай. – Что-то такое припоминаю. Но зачем вы держите автомат, если умеете так...

Он сделал пас рукой, словно протирал окно или стирал уравнение со школьной доски.

– Поддержка огнём никогда не помешает. – Айви пожала плечами. – И потом, мы наверняка столкнёмся не только с магией. А против подобного лучше действовать подобным.

– Против подобного?

Николай вздохнул. Он и не надеялся, что безмятежное путешествие с красивой спутницей в тёплой машине продлится вечность. Направив ствол вниз, он отсоединил магазин и передёрнул затвор, после чего начал исследовать игрушку.

– Ничего себе! – воскликнул Николай, дойдя до изучения, казалось бы, обычных боеприпасов. – Какая красота! Специальный заказ для спецназа? Какой-нибудь титановый сплав?

– Это серебряные пули, – сказала Айви.

– Ага. Стало быть, мы собираемся сражаться против вампиров, – буркнул Николай.

Как это ни странно, подобное заключение не вызвало у него беспокойства или даже привычного материалистического протеста. Вампиры, так же как зомби, в его системе координат стояли особняком от борьбы материального и рационального со сверхъестественным и божественным. Они были скорее продуктом Голливуда и комиксов, и в таком качестве не представляли загадки и не пугали.

– Не знаю, – ответила Айви. – Я вообще не имею представления, кто может напасть на нас. Возможно, будут и вампиры, и оборотни какие-нибудь. Мастер по моему заказу немного усовершенствовал пули. Тут не простое серебро. Ему удалось с помощью магии закупорить в сплаве некоторые его нестабильные изотопы. Такой состав должен рвать магические сущности в клочья. По крайней мере теоретические расчёты это подтверждают, а до испытаний пока не доходило.

– Теперь-то я спокоен, – не без сарказма произнёс Николай. – Нежить? Большое дело! Подайте её сюда! – Он вздохнул. – Но если серьёзно, что мы делаем дальше?

– Для начала мне просто нужно позвонить.

Позвонить оказалось не так уж и просто. Они долго петляли по небольшому городку, и Николай никак не мог понять, что, собственно, девушка высматривает, как вдруг она просияла и показала на будку телефона-автомата.

– Вот то, что нужно.

– Теперь-то я знаю, кто в наше время пользуется таксофонами, – буркнул Николай. – А я всё гадал, зачем в городах до сих пор держат этакий анахронизм?

– Всё верно, их для этого и оставили. Пришлось подмазать кое-кого в телефонной компании.

– Подмазать? То есть...

Она рассмеялась.

– Я пошутила. На самом деле есть и другие, кто нуждается в анонимных звонках, или, как мы, по ряду причин не может использовать мобильную связь.

– Ну да, – кивнул он. – Ещё есть посетители Министерства магии и парни, которым нужно срочно удрать из Матрицы.

Айви дважды проехала мимо будки, наблюдая за окрестностями, потом припарковала фургон и, оставив в нём Николая, направилась к телефону одна. Она набирала телефонные номера несколько раз, и всё неудачно. По крайней мере разговор быстро заканчивался. Наконец ей, видимо, повезло, и на другом конце провода оказался тот, кто нужен. Девушка долго что-то объясняла или убеждала, а быть может, и уговаривала. И вернулась в машину не совсем довольная.

– Он будет занят ещё некоторое время. И освободится не раньше чем завтра. Это плохо.

– А кто он вообще такой?

– Граф Эйхоф, – сказала Айви.

– Что, настоящий граф? И чем он нам сможет помочь? Он тоже чародей, как вы?

– Вы задаёте слишком много вопросов. Да, он настоящий граф. Его предок – один из немногих, увлечённых ещё в детстве в крестовый поход Хамельнским пастухом и сумевших вернуться обратно живым. Какая-то встреча или откровение, полученное в пути, заставили первого Эйхофа стать собирателем рукописей, документов, книг. И это увлечение, а быть может, обет, передавалось из поколения в поколение. Нынешний граф продолжает дело. В наших кругах он имеет самую обширную библиотеку, которая нам и нужна.

– И как широки они, эти круги?

Айви промолчала.

– Вы почти ничего не рассказываете мне о своём мире, – решил он поднажать. – Храните тайну от непосвящённых?

– Отчасти, – ответила Айви без особой охоты. – Но по большому счёту и нечего рассказывать.

– Нечего?

– Нет никакой волшебной страны, в которую можно попасть через дверцу в шкафу, если вы это имеете в виду. Мы, люди и существа, способные к магии, живём среди обычных людей. У нас нет ни своего закрытого мира, ни даже мирка вроде какого-нибудь анклага или заповедника, где мы могли бы спустить пар и развлечься. Мы делим этот мир с вами и наравне с вами владеем недвижимостью – обычными домами или апартаментами. Редко у кого имеются замки или, например, ранчо, где можно отгородиться от мира.

* * *

Они попали в засаду на выезде из города. Вроде бы ничего не предвещало опасности, но Айви вдруг напряглась.

– Слишком пусто, – сказала она с тревогой. – На этой трассе и в это время обычно полно машин.

Она выжала газ, и фургон начал набирать скорость. Вскоре цифровой индикатор перевалил за сотню. А дорога-то была не ахти. Так что их всё время потряхивало.

– Вон тот лесок впереди особенно подозрителен. – Айви легонько качнула рулём и перевела машину на полосу встречного движения. – Примыкает вплотную к дороге, ничего не видно. Если бы я устраивала засаду, то именно там.

Интуиция её не подвела. Что-то похожее на молнию, но не столь быстрое и ослепительное, пролетело параллельно асфальту и ударило в двигатель, отчего тот практически сразу заглох. Айви успела выжать сцепление и перекинуть рычаг на нейтральную передачу. Фургон продолжил катиться по инерции в почти полной тишине, лишь поскрипывая рессорами и шурша шинами. Впрочем, и относительная тишина продолжалась недолго. Позади раздался громкий треск двухтактных моторов, многоголосый рёв пропитых глоток, залихватский свист. Заглянув в зеркало, Николай увидел, что из леска на трассу выбирается целая эскадра длинных хромированных мотоциклов и (а иначе про такие агрегаты не скажешь) ложится на курс преследования. Оседлавшие монстров байкеры в коже и в очках, без касок, но в допотопных кожаных или даже танкистских шлемах кричали что-то, размахивая оружием – револьверами и дробовиками.

– Отгоните их, – тоном, не терпящим возражений, велела Айви. – А я попытаюсь запустить двигатель. И вот что, – добавила она, чуть подумав. – Они пришли за нашими жизнями скорее всего, так что валите тварей без сожаления.

Николаю стало не по себе. И не столько от близкой опасности – её он толком пока не почувствовал, не распробовал, а от мысли, что придётся стрелять в живых людей, которые не сделали ему пока что ничего плохого. Может, Айви вообще ошиблась, и эти байкеры просто катаются на пустынной дороге? Где же им ещё кататься? Не то чтобы он считал подобное племя добродушными интеллигентными людьми, но одежда, сленг и стиль жизни – ещё не причина для расстрела. Он, Грачевский, и сам далеко не праведник в этом смысле. Правда, в руках байкеров не бутылки из-под портвейна и не пивные банки, а стволы. Но оружие вполне может оказаться бутафорским или травматическим, или носимым ради форса. И только когда раздались первые выстрелы, он понял, что случайности никакой нет, что эти уроды пришли именно за ними, и отстреливаться, так или иначе, придётся.

– Так или иначе... – пробормотал он вслух.

– Что? – переспросила Айви.

– Нет, ничего.

Ни так, ни иначе у него не получалось. Потому что понимание опасности вовсе не означало, что он готов выбраться на крышу или высунуться в окно до пояса. Как раз напротив, страх из предчувствия стал реальным, а моральный барьер благополучно рухнул.

– Ну что вы раздумываете?

Девушка злилась на его нерешительность, а Николай начал злиться на неё за прессинг. Он всё же опустил боковое стекло и, высунув руки с автоматом до локтя, выпустил половину рожка куда-то назад, на удачу, не целясь.

– Так вы ни в кого не попадёте, – с упрёком в голосе заявила Айви.

Он промолчал, с трудом сдерживая себя, чтобы не рывкнуть в ответ. Он ещё не созрел, чтобы признаваться девушке, что ему страшно. Подставляться под пули не хотелось тоже.

Всё это время Айви пыталась перезапустить двигатель. Так по крайней мере понял Грачевский. Нет, она не втыкала рычаг коробки передач, чтобы использовать для запуска инерцию движения, и не щёлкала тумблерами и кнопками, пытаясь реанимировать отказавшую электрику. Она шептала слова. Молитву? Заклинание? Призыв о помощи к какой-нибудь мистической силе? Чем бы это ни было, толку пока что оказалось мало.

В перерыве между заклинаниями Айви ещё раз взглянула на спутника, а потом вдруг положила ладонь на его руку. Прикосновение неожиданно успокоило Николая. Страх сжался в комок, точно его погрузили в воду и опустили на дно океанской впадины. Зато навстречу ему из глубин поднималось что-то стремительное, сокрушающее. И дружественное. Кровь побежала быстрее, сердце разгонялось, подобно лишённому ограничителей двигателю. Весь организм начал разогреваться, не имея возможности сбросить излишки тепла. Николай ощутил себя то ли боеголовкой, то ли бронепоездом, то ли пошедшим вразнос ядерным реактором. Он перестал осмысливать ситуацию, отключился от рационального начала. Эмоции притупились, за исключением одного желания – перевернуть Вселенную и вытрясти из неё всё дерьмо.

– Ну же, Грачевский! – воскликнула Айви. – Задайте им жару!

Он воспринял её слова как приказ, а не просьбу или призыв, но даже не возмутился столь циничной манипуляцией. Кивнул решительно и, зацепившись ногой за крепление сиденья, высунулся из бокового окна по пояс – ни дать ни взять Глеб Жеглов, преследующий Фокса. Целиться из такого положения оказалось делом неудобным, но одним своим появлением Николаю удалось заставить преследователей по крайней мере занервничать. Увидев человека с автоматом, байкеры прекратили свистеть и размахивать оружием, стали рассредотачиваться по трассе и уходить с линии огня, прикрываясь от стрелка фургоном. Айви же, быстро прочитав ситуацию, заставила фургон вильнуть и на короткий миг открыла Николаю цель. Чем он и воспользовался, выпустив без малейшего угрызения совести вторую половину рожка. Но, несмотря на то что он видел, как пули попадали в мотоциклы и в людей, ни один из них даже не потерял равновесия.

– Они заговорённые! – воскликнул он, вернувшись в кабину.

Страх полностью скрылся во тьме, уступив место азарту. Будучи не на шутку распалён началом боя, Николай ощущал необыкновенный эмоциональный подъём и драйв, что, конечно, с одной стороны, было неудивительно, ведь ему пришлось стрелять по людям впервые в жизни, а с другой стороны, тревожило по той же самой причине. Так легко оказалось преодолеть культурный и психологический барьер? Не обошлось ли и тут без какой-нибудь магии? Грачевский вздохнул и принялся менять магазин.

– Вряд ли, – сказала между тем Айви.

– Что? – не сразу понял Николай.

– Вряд ли они заговорённые. Просто-напросто проникающая способность у серебра гораздо ниже, чем у стандартных пуль с оболочкой. Так что не всякую косуху пробьёт. А эти могли и пуленепробиваемые жилеты надеть.

– Ну, в принципе я и не настаиваю. Так сказал, в метафорическом смысле.

– Знать бы заранее, – с досадой произнесла Айви и даже ударила ладонью по рулю. – Оставила бы пару рожков штатных патронов.

– И что будем делать?

Вопрос повис в воздухе. Соппротивление и пальба из автомата только разозлили преследователей. Если до сих пор они изредка стреляли вверх, больше для острастки, то теперь открыли шквальный огонь на поражение. Разбилось боковое зеркало. Одна из пуль, влетев через открытое окно, свистнула в паре дюймов от его уха и ушла в пластик торпеды. Николай, выставив наружу руки, дал ещё пару коротких очередей, для острастки, не целясь, и только зря потратил серебро. Фургон, набитый всякой рухлядью, пока что прикрывал им обоим спины, но попадание пуль в борта и задние двери ощущалось даже в кабине. А движение замедлялось, и положение становилось угрожающим.

К счастью, как раз теперь они, видимо, покинули мёртвую зону, или иссякла вражеская магия, или же Айви добила своего, и какая-то из её молитв достигла адресата; так или иначе, но двигатель несколько раз чихнул и заработал вновь. Айви выжала газ, быстренько перебрала передачи по нарастающей и, наконец, вплотную занялась погоней.

Первым делом она решила затуманить им разум, как проделала это с гаишником, но на мотоциклах сидели, похоже, тёртые калачи, или с разумом у них были проблемы, в общем, магическая атака провалилась. Тогда Айви, попросив Николая подержать руль, достала знакомое уже ожерелье с драконьими слёзками. Сняла одну из них, зажала в сложенных щепотью пальцах и, прошептав несколько слов, пустила, точно лёгкий дротик, на заходящую слева группу байкеров. Сперва ничего особенного не произошло, лишь тучи пыли и щебня устремились навстречу ублюдкам. Правда, в результате один из мотоциклов вильнул и принялся кувыркаться, а остальные немного отстали. Но большого ущерба погоня не принесла. А потом позади фургона вспыхнул огненный шар.

– Стреляйте по тем, кто пробьётся! – крикнула девушка. – Их защита, если таковая была, теперь ослабла.

Она перехватила руль, а Николай высунулся из окна и начал стрелять в фигуры, выскакивающие из медленно угасающего пламени.

Парни отнюдь не являлись лишёнными боли и страха терминаторами. Огонь заставил их нервничать, продолжая гореть на косухах, штанах и на мотоциклах. Байкеры пытались сбить пламя, освободиться от горящих вещей, что вынудило их расстаться со стволами. Николаю теперь ничего не мешало стрелять прицельно, что он и делал с большим удовольствием, толком и расстановкой, стараясь попасть в бак или в переплетение шлангов и трубок, что в условиях близкого пламени сулило немалые перспективы хорошего фейерверка.

– Отлично! – воскликнул Николай, увидев, что один из преследователей болидом ушёл под откос.

Он как раз вернулся в кабину, чтобы сменить автоматный рожок, и тут челюсть его отвисла. Айви сняла диадему, видимо, чтобы не потерять в горячке сражения, или, возможно, та мешала ей колдовать; волосы сбились, открыв взору Николаю слегка заострённые уши. Сейчас его спутница стала похожа на эльфийскую принцессу Арвен в исполнении Лив Тайлер. Не то чтобы один-в-один, под копирку, пожалуй, даже напротив, большей частью между ними не было ничего общего, кроме нескольких мимолётных деталей, открывающихся в жестах и движениях. Но зато вот эти детали вместе с формой ушей (не такие уж они оказались и острые) так поразили Николая, что убедили в реальности творящегося вокруг волшебства куда больше, чем все предыдущие проявления магии, которые как сознание, так и подсознание до сих пор упрямо принимали за обычные фокусы.

– Что? – Айви перехватила его взгляд.

– Ничего, – сказал Николай и, тряхнув головой, вернулся в бой.

Впрочем, дел там почти не осталось. Байкеры один за другим уходили с трассы. Самые упёртые постепенно отстали, не желая малым числом лезть на рожон. И вскоре дорога опустела.

* * *

– Так вы, получается, не человек? – решил на вопрос Николай, когда опасность полностью миновала. – Вы эльфийка?

Айви рассмеялась.

– Что тут смешного?

– Антропоморфных эльфов не существует, – заявила она. – Всё это литературные выдумки.

– Вам, конечно, виднее. – Николая немного уязвил этот смех, будто он должен разбираться во всякой нечисти. – А вы чьих будете в таком случае?

– В каком смысле «чьих»? – Она свела брови, скорее удивляясь, нежели сердито.

– Ну там, привидения, оборотни, орки, гномы, тролли, уж и не упомню всего мифологического разнообразия. Люди насочиняли такого, что...

– Я овда. Но при случае умею обернуться совой. Так что можете записать меня в оборотни.

– Ага, – кивнул Николай. – Честно говоря, никогда о таких не слышал. Овда, вы сказали?

– Да... овды, как бы вам объяснить, они... не эльфы.

– Не эльфы, – повторил Николай. – Это я понял. А тогда кто? Ну, кроме того, что оборотни?

– Вы слишком любопытны. – Айви улыбнулась. – Мои предки веками хранили тайну своего существования от большинства людей, а вам вот так запросто всё расскажи. С другой стороны, нам теперь вместе работать, так почему бы и нет?

Девушка сделала паузу, интригуя. Кажется, разговор её забавлял.

– Действительно, – буркнул Николай. – Так почему бы и нет?

– Ну, когда-то это был небольшой лесной народ, обитавший в северо-восточной Европе, от Балтики и до самых Уральских гор. Волшебный народ, разумеется. Кроме волшебства, у него были и другие особенности. Скажем, он состоял исключительно из женщин.

– Вот как?

– Именно. А наши праматери, если возникала такая блажь, одалживали мужчин у людей. На стороне, так сказать.

– Как вейлы?

– Вот видите! – Она опять рассмеялась, но теперь как-то невесело. – У сказок больше читателей, чем у скучных монографий по фольклору, этнографии и мифологии небольших народов. Хотя мне иногда кажется, что вейлы просто списаны с вилл, овд и русалок.

– А мне показалось, что с амазонок.

– Амазонки воинственны. И скорее всего были обычным человеческим племенем, слегка романтизированным античными философами и литераторами. Они не владели магией или даже каким-либо тайным знанием. А овды – народ по-настоящему волшебный, хотя главное их оружие – обольщение, каким в той или иной степени владеет любая женщина. Впрочем, если обольщение не работает, мы умеем и постоять за себя.

– Хм. Надо будет запомнить, чтобы не попасть ненароком в щекотливую ситуацию.

– Щекотливую – очень верное слово. – Айви улыбнулась. – Но, знаете, исходная раса давно уже не имеет значения. Народы перемешались. Модернизм и глобализация затронули всех. Сейчас гораздо важнее, что я хозяйка того самого источника, который вы умудрились ограбить. Его хранительница, фея, если угодно.

«Или ведьма», – подумал Грачевский, но промолчал.

* * *

Николай давно запутался в странной магической географии. Они в равной степени могли сейчас ехать по Эстонии или по Канаде, или даже по Сибири, найдись там хоть одна столь ухоженная, ровная, имеющая чёткую разметку дорога. Он догадался, что находится в Швеции, только когда увидел указатель на Мальмё. Не доезжая до города, они остановились возле большого придорожного комплекса, где Айви решила заправить фургон и перекусить.

– Почему мы гоняем на чёртовом фургоне по дорогам, а не пользуемся порталами вроде того, каким перенеслись в Ярославль? – с некоторым раздражением спросил Николай, поглощая разогретые в микроволновке сэндвичи и запивая их кофе.

В горячке боя, не без помощи магии, страх отступил, но едва они остановились, что-то похожее на неуверенность и раздражение, вызванное усталостью, проросли в сознании, а что-то иное, более гнусное и липкое, начало грызть спинной мозг.

– К сожалению, порталы имеются далеко не везде. – Айви ловко, даже изящно совмещала еду и беседу. – И для наших целей многие из них не подходят. Придётся передвигаться своим ходом, на автомобиле.

– Для наших целей? – машинально среагировал Николай. – Для ваших, если уж быть точным. Вы меня ловко прижали, не спорю, но давешняя стрельба, знаете ли, сильный аргумент в пользу того, чтобы отказаться от навязанной мне миссии. А я, помнится, ещё не давал окончательного согласия.

Он убеждал себя, что говорит так не со страха и не столько собирается отыграть назад, сколько решил проверить спутницу на прочность, будучи недоволен тем, что его используют втёмную. Да и вообще, используют. Но Айви, похоже, тоже устала и не приняла игру.

– Вы что, так и не поняли? – спросила она раздражённо. – Никому в принципе и не требуется ваше согласие. Вы сами связали себя обязательством, разрешить которое может либо исполнение, либо смерть. Так что выбор у вас невелик. Я должна помогать вам лишь в силу того, что являюсь хозяйкой источника. И если вы сбежите, то, конечно, серьёзно подставите меня. Но контракт ваш побег не закроет. Обязательство будет висеть на ваших плечах, словно оранжевая тюремная роба.

– И что такого? Я привык жить в долгах. Поброжу и с обязательством. А там либо ишак сдохнет, либо падишах преставится...

– Вы обещали, что будете делать, как я скажу, – напомнила Айви. – Если вы сейчас вдруг успокоились, передумали, решили, что это не ваша проблема, то напрасно. Разумеется, если источник будет скомпрометирован, это скорее всего погубит его. Только поэтому я вообще помогаю вам. Но источник существует не для того, чтобы выполнять чьи-то желания, он лишь принимает заказ и залог, выступает, так сказать, посредником, а вот вам, как человеку, вольно или невольно взявшему на себя исполнение контракта, грозят серьёзные неприятности. Вплоть до физической смерти. С магией вообще, и с жертвенными монетами в частности, лучше не шутить. Я вам уже говорила, что желание может быть ограничено во времени, и с человеком, загадавшим желание, может произойти неприятность. Поэтому ваш номер с ишаком и падишахом тут не только не пройдёт, он даст обратный результат.

Айви взяла паузу, чтобы прожевать сэндвич и заодно подождать, пока собеседник в достаточной степени проникнется всей серьёзностью положения. И он проникся настолько, что задавать дурацкие вопросы и проверять даму на вшивость ему расхотелось. Зато тут же захотелось выкурить сигарету, но и с этим вышел облом. Курить в кафе запрещалось, а покинуть собеседницу посреди разговора выглядело бы не слишком вежливым поступком.

– Но дело не только в вас, – продолжила она, глотнув кофе. – Нарушение контракта может привести к хаосу, к серьёзным сбоям в мироздании. Само по себе осквернение источника вряд

ли принесёт кому-то ущерб, кроме меня, его хозяйки и хранительницы, и вас, конечно, как нарушившего амрун. Однако всё может оказаться куда серьезнее. Любой диантан, генерирующий магию, к каковым относится источник, вписан в формулу равновесия мировых сил, и малейшее нарушение баланса способно стать той самой соломинкой, что сломит хребет верблюду. В нашем случае верблюдом может обернуться и нынешний порядок вещей, и мироздание как таковое. Дискредитация, или, лучше сказать, компрометация источника может стать очередным шагом, приближающим эсхатологическую развязку, какой бы она ни была.

– И те, что напали на нас, могли преследовать именно эту цель? – спросил Николай.

Айви ответила не сразу. Было заметно, что прозвучавшая версия обеспокоила её. Мало того, она, видимо, не раз задавала себе подобный вопрос, но избегала или даже боялась развивать эту тему.

– Вряд ли, – ответила она наконец. – Вас они знать не могут. Кроме того, почти невозможно просчитать и включить в схему такой дурацкий и недальновидный поступок – ограбление музейного фонтана. Ни одна машина предсказаний, ни один пророк не возьмётся сделать прогноз на отягощённого запоем и похмельем человека. И вообще, быть объектом пророчества – удел принцев, магов, героев, в общем, людей не вашего уровня.

– Это хорошо, что вы обозначили мой статус, – заметил Николай. – Стало быть, я нашим преследователям не интересен. Ни в каком виде. Давайте тогда действовать методом исключения. Итак, меня исключаем. Что ещё? Артефактами обзавестись мне не довелось. Рылом не вышел. Как насчёт вас?

Айви смутилась.

– Меня они скорее всего знают, наш мирок не то чтобы тесен, однако и не слишком велик. Но я, если не считать известного вам источника, не обладаю ничем таким редким или особенно ценным, что может заинтересовать грабителей или заказчиков из моего круга. Какая-нибудь мелкая шайка могла попытаться снять куш внезапным налётом, но она отступила бы после первой же неудачи. А нападать вновь и вновь – себе дороже. Риск не оправдывает потенциальную выгоду. Вокруг шляется немало более богатых и беспечных персон.

– А вы сами? – не отставал Николай.

– Что? – не поняла Айви

– Поройтесь-ка в вашей прекрасной головке. Быть может, вы перешли кому-то дорогу, отказались составить партию или что-то такое?

– У нас так дела не делаются.

– Я вижу, как эти ваши дела делаются.

– Глупости, – немного подумав, заявила Айви. – К тому же я прикрыта сильным оберегом. Найти можно любого, но в случае с обладателями дара, да ещё и прикрытыми оберегом, это займёт куда больше времени. Во всяком случае, за час-два след не возьмёшь.

– А если действовать не прямо?

– Как?

– Искать какую-то из ваших вещей. Вы ведь что-то покупаете, меняете, принимаете в дар.

– Не думаю. К личным вещам подобраться не проще, чем ко мне самой.

– Допустим. Но ведь у меня ничего такого и сроду не было. Ни дара, ни источника, ни артефактов, ни, кстати говоря, сильных врагов. Разве только эти монеты.

– Жертвенные монеты могут стать со временем мощными диантами, – заметила Айви после паузы и решительно тряхнула головой. – Но не сейчас. Сейчас они стоят не больше номинала.

– Отлично. Мы исключили всё. Не о чем беспокоиться.

– Нет. Вы, пожалуй, правы. Если исключить всё, то единственной ценностью, которая способна заинтересовать серьёзного противника, остаётся источник. Но источник находится на месте, его искать не нужно. Зато есть то, что находится при нас и связано с источником.

– Ага! Всё же монеты!

– Верно. Остаются сами монеты. Какая-то из них, возможно, является маячком. Или наш противник подбросил в воду фонтана какой-нибудь маркер, который перешёл на монеты. А может быть, закладка была в контактной машине, и мы сами посадили «жучка», когда воспользовались ею. Вариантов много. Не зная истинных целей противника, мы можем долго гадать.

– Но тогда мы возвращаемся к версии с осквернением источника и концом света?

Айви сморщилась и неохотно кивнула.

– И сколько у нас времени?

– До конца света? Не знаю. А до того времени, как нас обнаружат, минут пять.

– С чего вы решили, что пять? Первый раз нас накрыли в бункере, возле контактной машины, там мы пробыли долго, больше полутора часов, да ещё долго парковались перед этим. А на трассе нас ждали заранее.

– Нас обнаружили, пока мы кружили по тому городку, где я звонила, – пояснила она. – А трассу просто вычислили. Путей, доступных для перехода, не так много. Простейшая амра поиска занимает обычно двадцать-тридцать минут, если, конечно, имеется маркер или известный противнику предмет. Ещё некоторое время, ну минут десять, от силы двадцать, потребуется, чтобы добраться до нужного места. Таким образом, полчаса – это всё, что у нас есть. Это если с гарантией. Но рисковать, полагаю, не стоит.

– Поэтому нам потребуется всё время менять локацию?

– Да. Пока не избавимся от маркера, мы обречены находиться в движении. Стоит только задержаться на одном месте, и мы в руках противника. Так что только вперёд, без сна и отдыха. Пока не подойдёт время randevu.

– Весёлое дело. – Николай потёр колючий подбородок. – Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

– Вроде того. Впрочем, с пирожками мы благополучно управились. – Айва улыбнулась и стряхнула с одежды крошки.

И они поехали дальше.

Глава 3

Демон нижнего мира

На ночную дорогу, на бегущие навстречу светоотражающие столбики и разметку он мог смотреть вечно. Так смотрят на пламя, на течение воды, на работу автоматической стиральной машины. Хорошее медитативное средство, если ты не за рулём, конечно. В кабине тепло, уютно, весёлые огоньки на приборной доске, запах сигарет и доброе ворчание мотора... Покой в движении. Нирвана.

Правда, волшебный способ передвижения предусматривал частые переходы с шоссе на шоссе по тайным тропкам, и двигаться по ним в темноте следовало с большой осторожностью. Фары здесь помогали мало. Тени искажали подлинные размеры окружающих предметов, тонкие тростинки казались непреодолимыми зарослями, опасные коряги, напротив, растворялись в сумеречной зоне неровной поверхности, но главная опасность – в мельтешении теней плохо различалась колея и можно было запросто уехать не туда, даже несмотря на чутьё овды. Например, забраться в глухой лес или в болото и застрять там, пока не настигнет погоня. Поэтому Айви иногда освещала путь магией – это мог быть скромный светящийся шарик, который можно принять за обыкновенную детскую игрушку, стайка летающих светлячков или старый добрый фальшфейер, а иногда приходилось выходить ей или ему, чтобы сориентироваться на месте.

– Раз уж вы умеете прыгать в пространстве, почему бы нам не переметнуться в Америку, где ещё светло, или, напротив, на Дальний Восток, где утро уже наступило? – спросил Николай.

– Через Атлантику проложено мало тропок, и они открываются не так часто. А на вашем Дальнем Востоке, вы уж извините, дорог до сих пор нет.

– Но в Корее-то с Японией дороги имеются? Да и в Китае их уже построили немерено.

– А вот туда мы не поедem по иным причинам. Да и не смогла бы я, даже возникни такая необходимость. Там своя магия и свои «тропки» под названием Чук-Джи-Боб. Я мало о них знаю, а соваться наугад рискованно. К тому же после захвата Тибета мы не в ладах с тамошним сообществом. Наша магия распространилась вслед за европейской колонизацией. Австралия, обе Америки.

– Американские боги, – вспомнил вдруг Николай.

– Вроде того. По тем же причинам нет у нас выхода и на большую часть Африки. Да и вообще...

– Что?

– Как бы то ни было, а ночью ездить приятнее и удобнее. Сложнее попасть в пробку или нарваться на ремонтные работы.

– Ну это спорный момент, – сказал Николай и задумался, прокручивая в голове новую информацию. – То есть, у вас имеются конкуренты? Ну эти, которые Чук-Джи-Боб, да ещё какие-то африканцы. А не могут в таком случае именно они стоять за всеми нашими приключениями?

– Маловероятно. Мы не конкуренты, просто каждый обитает в своём домене. Мы так же чужды им, как тамошние маги нам, а потому наши артефакты не представляют для них интереса, и наоборот.

– Мир глобализируется, культуры перемешиваются. Современные корейцы многое переняли у христиан. А какой-нибудь Гонконг или Сингапур не очень-то отличается от европейских городов. Вполне может оказаться так, что и среди их колдунов кто-то решил наложить лапу на достижение обеих культур.

– Хм. Это не приходило мне в голову. Пожалуй, имеет смысл проконсультироваться с графом...

...Они проездили так весь вечер и всю ночь, делая короткие остановки, не более десяти-пятнадцати минут, во время которых Николай не покидал фургона. Айви отходила, чтобы позвонить из таксофона, или ныряла в сомнительного вида подъезды, откуда возвращалась со свёртками и коробками, в одной из которых Николай обнаружил несколько снаряженных нормальными патронами магазинов для автомата, а из другой был извлечён портативный компьютер. С наступлением утра они наконец остановились на полноценный отдых.

– Нужно перекусить, и всё такое, – сообщила Айви.

«И всё такое» заняло большую часть отведённого погоней времени, так что есть девушке пришлось второпях, обжигаясь горячим кофе и постоянно поглядывая на дорогу. Овда опасалась, не возникнут ли на ней давешние байкеры, а возможно, ожидала каких-нибудь драконов со всадниками на спинах или армию зомби.

– Поехали, – сказала Айви, дожидаясь последний кусок.

– Допустим, можно покупать кофе и закуски в дорожной упаковке, – сказал Николай уже в фургоне. – Вот тут даже подставка для стаканчиков имеется. Но сколько мы продержимся на колёсах? Я вообще-то могу немного прикорнуть в машине, но заснуть совсем не получается. Едва закрываю глаза, как начинают мельтешить разноцветные пятна.

– А я, напротив, уже плохо соображаю и могу реально заснуть за рулём. Вообще-то обычно неделю-две я легко обхожусь без сна, но тут и до вашего появления пришлось... не важно. Так что кофе больше не помогает.

– Я бы мог подменить вас за рулём, хотя оставил права дома. У вас водятся стимуляторы?

– Стимуляторы?

– Такие разноцветные волшебные таблетки, – подсказал Николай.

– Это не выход.

– Мы могли бы бросить фургон и отдохнуть в поезде или, например, в самолёте, – предложил Николай. – Не знаю, как работает ваша магия, но этот транспорт всё время в движении.

– Хорошая идея, – чуть ли не впервые за время их знакомства одобрила Николая спутница.

И он вдруг обрадовался похвале, точно ребёнок. Как мало, оказывается, человеку нужно.

– Идея хорошая, – продолжила Айви, – но рискованная. Они могут вычислить нас и в поезде. Знаете, применяют амру поиска трижды с небольшим интервалом, получают три точки, наложат на карту, вычислят направление, скорость и легко поймут, куда и на чём мы движемся.

– Самолёт летит быстро и по дуге. Знаете, есть такая штука под названием ортодромия.

– Зато регистрация на рейс займёт немало времени, – возразила Айви. – А у нас на хвосте враги. И неясно, что за враги. Не уверена, что их напугает перспектива бойни в накопителе аэропорта. Кроме того, в самолёте я не высыпаясь, да и душ там не примешь.

– Во всяком случае, можно передохнуть от езды.

– Да, можно. Теоретически можно многое. Но, знаете что, давайте оставим самолёт на самый край.

– На самый край? Сознайтесь, вы просто боитесь летать.

– Я? – Она поначалу возмутилась, но быстро сдалась. – Ну, может быть, чуть-чуть. И только с использованием технических средств. На большой высоте, знаете ли, да ещё и закупоренный в герметичный объём, не очень контролируешь ситуацию. И от этого становится не по себе. Но нам всё равно придётся найти выход из положения. Ведь мы не можем заявиться просто так к графу с ублюдками на хвосте. На поиск нужных книг потребуется время, возможно, немалое, а следовательно, нужно заранее сбросить погоню со следа. Иначе они нагрянут прямо в библиотеку.

– И у вас есть средство, позволяющее избавиться от хвоста?

– Да. Если наши предположения верны и маркер стоит на монетах, то нужно на время избавиться от монет.

– И всё? Так мы, выходит, катаемся ради удовольствия?

– Избавиться от монет не так просто, – возразила Айви. – Во-первых, они не должны попасть в руки наших врагов.

– А кстати, почему? Может, пусть их. – Он взялся рукой за холщовый мешочек. – Пусть забирают это добро себе и сами расхлёбывают последствия. Как я понял, вместе с монетами они возьмут на себя и проклятие.

– Это не проклятие! – разозлилась Айви. – Это долг, обязательство, магический контракт. Амрун!

– Называйте как хотите, – отмахнулся Николай. – Хоть святым обетом. Мне важно, чтобы дельцем занялся кто-то ещё, тот, кто шарит во всех этих штучках, например.

– Нет! Не имеет никакого значения, что вам кажется важным! – Айви злилась всё больше, точно до сих пор её что-то сдерживало, а теперь отпустило. – Вы взяли монеты первым! Амрун состоялся! И знаете, если бы на кону стояла только шкура алкоголика-неудачника, я бы и пальцем не пошевелила, чтобы помочь вам. Но дело не только в вас! Я устала вдавливать это в вашу тупую башку!

– Мне очень жаль, – сквозь зубы произнёс Николай отнюдь не извиняющимся тоном. – Нужно было поставить табличку, что источник действующий, что кража монетки приведёт к серьёзным последствиям.

– Правда? – бросила в ответ Айви. – А на крышах тоже нужно ставить таблички о том, что прыгать вниз смертельно опасно?

– Ну, на железной дороге, во всяком случае, такие плакаты вешают, хотя и без них всё понятно, – чуть сбавил напор Николай. – В конце концов, могли бы соврать, написать, что вода отравлена или что там живут хищные пираньи.

Айви не ответила. Николай вздохнул.

– Ну почему другие, попадая, допустим, в волшебную историю, получают титулы, обретают друга-колдуна или штуковину, которая исполняет их желания. А мне, словно какому-нибудь пролетарию магического труда, приходится исполнять чужие? У других фея-крёстная, а у меня фея-надсмотрщик. Это высшая несправедливость, вы не находите?

– Не нахожу. Наверное, так случается потому, что эти ваши другие не воруют чужие монеты, а делают какие-то добрые дела, за что и получают вознаграждение.

– Вы прямо как моя любимая тётушка. Добрые дела. Не рви цветы. Посади дерево. Не бери в магазине пластиковые пакеты. Накорми синичек.

– Слушайте! – взорвалась Айви. – Вам вовсе не обязательно бегать и выполнять все эти дурацкие желания.

Что-то в её интонации заставило Николая насторожиться. Тут скрывался какой-то подвох.

– Не обязательно? – осторожно переспросил он.

– Нет, – с лёгкостью подтвердила она. – Существуют другие пути.

– Например?

– Например, вы можете снять с себя обязательство через кровь.

– Через кровь?

– Именно! Тот, кто оказался неспособен исполнить амрун, может сохранить лицо, покончив с собой. Это благородно и достойно уважения. Возможно, о вас даже сложат песню!

Она бросила на него взгляд и зловеще ухмыльнулась.

– Слушайте, я, быть может, похож на самурая? – спросил Николай. – У меня глаза узкие? Так это от перепоя. Не обращайтесь внимания. Да и вообще, самураи закончились в сорок пятом. Они разбились, как мошки, о лобовые стёкла американских авианосцев.

– Выбор в любом случае за вами. – Теперь она пожала плечами. – Если бы решение зависело только от меня, то принесение вас в жертву стало бы большим соблазном. Поверьте, очень большим соблазном! Но обычное жертвоприношение тут не подходит. Увы. Только самопожертвование.

– Спасибо, я не тороплюсь. И вовсе не желаю сделать харакири, чтобы у Вашества не появилось на лице лишней морщинки.

Немного взаимной пикировки успокоило обоих. Стало чуть легче.

– А во-вторых? – примирительным тоном спросил Николай.

– Что – во вторых? – не сразу поняла Айви.

– Вы сказали, что, во-первых, монеты не должны попасть в руки наших врагов, – напомнил он. – Кем бы те враги ни являлись.

– Да, – подхватила девушка мысль. – Монеты нужно спрятать там, где маркер или амра поиска будут бессильны, а таких мест не так уж много. Лично я знаю только одно. Доступ к нему сложен и требует подготовки. Но главное – это паллиатив по большому счёту. Выигрыш времени, не больше. Спрятав монеты, мы всё равно не продвинемся в главном деле. Ведь нельзя выполнять желания и держать монеты где-то ещё. Это и есть во-вторых.

– Однако, чтобы съесть очередной пирожок и перевести дух, много времени не потребуется.

Николай в который уж раз потрогал щетину.

– Сейчас перед нами стоит конкретная цель – найти необходимые книги, а для этого монеты не нужны. Вот этим и займёмся. А уж тогда и остановимся заодно где-нибудь, где можно выспаться и принять душ.

– Так в чём заключается план?

– Я вызову демона-хранителя.

– Кого? – удивился Николай.

– Демона, – пожала плечами Айви.

– Ну чего это я к людям-то пристаю, – пробурчал Николай под нос. – Демонов никогда не видел, что ли?

* * *

Обладая способностями к магии, демона вызвать проще простого. Необходимо лишь правильно начертить нужную пентаграмму. Правильно надписать на её углах нужные символы, правильно расставить свечи и чаши с особыми ингредиентами, которые, в свою очередь, разумеется, должны быть правильно и в нужное время обретыны: собраны, украдены, вырезаны кривым ножом у жертвы. Дальше всё просто – чем крупнее пентаграмма, тем более сильного демона можно вызвать или большее время удерживать в подчинении менее сильного. Но для начертания правильной пентаграммы, помимо незаурядного глазомера и твёрдой руки, нужна абсолютно ровная поверхность. В этой дисциплине допуски приняты почти такие же, как при изготовлении зеркал телескопов. И чем сильнее требуется демон, тем больше пентаграмма и тем меньше допустимая погрешность.

Разумеется, абсолютно ровные поверхности не встречаются где попало. Их изготавливают долго и тщательно особые мастера, порой затрачивая на работу годы и десятилетия. Они возводят прочное основание, способное перенести небольшое землетрясение, подбирают особый состав цемента, грунтов и лаков, дают каждому слою осесть и высохнуть; затем долго и тщательно шлифуют поверхность, проверяя кривизну десятками сложных приборов, потому что даже свертующиеся жидкости не всегда открывают изъян. Труд мастеров долг и дорог. Но зато и служат такие поверхности веками. Тем более что, заботясь о сохранности параметров, мастера сооружают и особые помещения – залы церемониальной магии, которые маскируют

под гостиничные номера или гаражные боксы. Встречаются и подлинные шедевры, например, церемониальный зал в замке Семи чудес, что в Арагоне, шлифовали полсотни лет. Кстати говоря, сам замок числился новоделом и строился с исключительной целью прикрытия для колоссальной пентаграммы. Посредством её можно вызвать демона, который способен служить несколько лет без перерыва и обладать силой двух римских легионов. Поскольку чертёж должен оставаться нетронутым всё время службы демона, на аренду зала в замке Семи чудес требовалось записываться заранее. Очередь тянулась на многие десятилетия, и не у всякого чародея был шанс дождаться своей. К счастью, им с Айви требовался демон попроще, и они могли обойтись чем-нибудь поскромнее дворцового комплекса.

Вот примерно и всё, что Николай вытянул из спутницы к тому времени, когда она, изрядно пропетляв по городам и странам, наконец свернула на короткий просёлок.

– Нам необходимо действовать быстро, – предупредила девушка. – Поэтому будет лучше, если вы не станете задавать вопросы, а просто без малейшего промедления будете выполнять мои распоряжения. По дороге я объясню, что именно нужно делать. Постарайтесь хорошенько запомнить и не перепутать.

– Принято.

Оставшейся дороги едва хватило, чтобы Николай уяснил задачу. Задача оказалась странная, но к странностям он стал уже привыкать. Нервная система прекратила реагировать на чудеса, предохраняя разум от коллапса. Вскоре фургон остановился возле обнесённой забором из жердей довольно крупной усадьбы с трёхэтажным особняком и многочисленными пристройками. Если верить стилизованной под старину табличке, вывешенной у ворот, всё это скромно именовалось «Избушкой лесника».

* * *

– Нам нужен номер на сутки, – сказала Айви, вбегая в холл, декорированный шкурами и головами диких животных.

– Желаете провести ночь вдвоём? – осведомился беззубый дедок в меховой безрукавке и, словно одобряя выбор, подмигнул Николаю: – Есть роскошный номер для новобрачных, такой, знаете, в розовых и белых тонах, с кружевами на занавесках...

Волшебница зло прищурила глаз, как бы размышляя, в омерзительную жабу какого вида превратить распорядителя, но, видимо, решила, что на скандал не имеется времени.

– Нам требуется церемониальный зал третьего класса.

– На сутки? – переспросил дедок гораздо более умеренным тоном.

– Да. И побыстрее.

– Держите. – Он бросил ключ. – Второй подземный уровень, номер двадцать один.

Айви схватила ключ и рванула к лестнице. Николай с картонной коробкой, наполненной разной утварью, бежал следом. Его нос оказался слишком близко к краю коробки, чтобы учуять целый ансамбль приятных и неприятных запахов. Открывая дверь, девушка скинула кроссовки и в тонких носочках скользнула на гладкую чёрную поверхность зала с такой грацией, точно выходила на лёд олимпийского Дворца спорта. Тусклый свет возник как бы сам собой и стал постепенно разгораться. Он падал на высокий потолок и рассеивался по залу равномерно, не давая теней. Разунаясь, Николай порадовался, что сменил носки накануне, иначе дыры и грязь смутили бы светское общество, а запах мог, пожалуй, даже помешать магии.

Полчаса – это всё, что у них было. А любая ошибка в чертеже, как сообщила Айви, могла привести к непредсказуемым последствиям. Например, мог явиться совсем не тот демон, которого ты вызываешь, или, что куда хуже, демон мог оказаться в этом мире без соответствующих магических пут, что означало небольшую катастрофу как для того, кто вызвал, так и для проживающего вокруг населения. «Не Хиросима, но хорошего мало».

Айви чертила большим куском мела или чего-то похожего на мел, передвигаясь по залу так, будто выступала с показательной программой на чемпионате по художественной гимнастике или фигурному катанию. Её лёгкий плащ не успевал за танцем и хлопал, как паруса на яхте при смене галса или порыве ветра. Идеальный круг, пятиконечная звезда, несколько треугольников, в которые были вписаны незнакомые, но явно зловещие символы... Всё это время Николай брёл, придерживаясь стены, и расставлял чашечки с благовониями и скверно пахнущими веществами, свечи и артефакты в тех местах, где ему было указано, а потом, совершив второй круг, обнёс их огнём. Заплясали на стенах тени, поднялся от чаш ароматный дымок. Айви всё так же быстро проверила правильность установки и осталась довольна, лишь слегка передвинула некоторые предметы.

Оглядев пентаграмму в последний раз, Айви вышла за её пределы и прочла заклинание, или амру, так называла она всякую призывающую волшебство фразу. Дымок от чаш устремился тонкими струйками к центру чертежа и закрутился там в небольшой вихрь, который постепенно уплотнялся и ускорял вращение. Постепенно в середине вихря проявился призрачный силуэт. Он, впрочем, не долго оставался призрачным. Едва остатки дыма втянулись в вихрь, тот исчез, а посреди пентаграммы возникла обычная человеческая фигура из плоти и крови, облачённая в чёрную с отливом мантию. Лишь красноватый цвет кожи и маленькие аккуратные рожки над самым лбом намекали на некоторые видовые отличия. От демона ощутимо тянуло жаром. Что-то подобное Николай ощутил однажды, когда при нём выламывали из формы огромную металлическую отливку. Когда нет излучения от раскалённого металла или источника огня, а идёт только жар с привкусом пыли шамотного кирпича.

Наверное, человеку, возвращённому на голливудских эффектах и компьютерной графике, принять чудеса было проще, чем средневековому обывателю. С другой стороны, средневековый человек, хоть и страшно перепугался бы, удивился бы куда меньше, ведь появление подобного выродка не противоречило его картине мира. Николай не успел развить эту мысль, потому что краснокожий из пентаграммы обратился к нему:

– Приветствую тебя, о достойнейший из путешественников, – довольно вяло произнёс он и ещё более лениво поклонился. Лень, впрочем, была нарочитой, поскольку взгляд демона лихорадочно обшаривал линии пентаграммы, явно выискивая возможную ошибку в начертании.

Николай молча показал пальцем на спутницу. Демон чуть повернул голову.

– Это я тебя вызвала, Драгош, – устало проговорила Айви.

– Слушаю, о прекраснейшая из фей! – На этот раз он поклонился весьма энергично. – Прости, я должен был догадаться об этом по изящным линиям чертежа и совершенству рисунка.

– Драгош. Возьми этот мешочек с деньгами и исчезни.

– Исчезнуть? Вы подразумеваете скрыться, моя госпожа?

– Да. Возможно, на одной из монет имеется метка. Или сама монета известна охотнику. Вернись в свои пределы или куда угодно ещё, главное, чтобы в этом мире никто не смог тебя найти амрой или проследить как-то иначе. Вернёшь нам мешочек со всем его содержимым в мотеле «Озёрный», на вологодской трассе. Ты его знаешь. Ровно через двадцать четыре часа.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! – произнёс со зловещим завыванием демон и добавил совсем уж замогильным шипением: – Там и рассчитаемся, полагаю?

Подпустив дыма, рогатый гость исчез вместе с монетами.

– Что он имел в виду? – озадачился Николай. – Собирается прикончить нас?

– Нет, просто напомнил, что его услуги не бесплатны. Торопитесь, Грачевский, нам надо успеть уехать отсюда подальше.

– Но мы же вроде бы только что избавились от монет!

– Тем более. Засечь нас враги наверняка успели, а понимание того, что мы нашли способ скрыться от поисковой магии, только прибавит им прыти.

На выходе Айви напомнила дедку, что пока демон призван на службу, пентаграмму трогать нельзя, а зал, соответственно, нельзя использовать для вызова кого-то ещё, и потому помещение должно оставаться закрытым весь оговорённый срок. Дедок ответил чем-то в духе поговорки про бабу и варку щей, но только с менее приличной лексикой, однако, поскольку Айви осталась довольна ответом, Николай воздержался от протеста и даже улыбнулся в ответ на прощальное подмигивание распорядителя. Айви задержалась ещё на минуту, чтобы расплатиться, а Николай поспешил занять место за рулём и завести двигатель. Он не увидел всех подробностей, но, кажется, девушка достала для расчёта что-то вроде кредитной карточки – белый полупрозрачный кусочек пластика.

Времени на расспросы не оставалось, его вообще ни на что не оставалось, и они рванули по просёлку, точно по автобану. Подвеску фургона Николай не жалел, впрочем, делал он это по указанию хозяйки. Что-то перекашивалось внутри грузового отделения позади них, что-то падало, а он сжимал руль и старался удержать внутренности в том расположении, в каком им предписано быть природой. Айви держалась молодцом, упиралась ладонями в приборную панель и подстраивалась, как могла, под толчки. И всё же их чуть было не перехватили перед самым выездом на асфальт. Девушка, заслышав треск мотоциклов, показала Николаю в сторону, в небольшой просвет между кустами, и Николай, чудом успев среагировать, свернул на совсем жуткую тропинку, где и пешком-то следовало пробираться с опаской. Там он остановился, заглушив двигатель, а Айви пропела через плечо амру. Это оказалось что-то новенькое. Вокруг них из ниоткуда возникли белёсые вихри, похожие на пряди тумана или обрывки облаков, раздираемых крылом самолёта. Эти вихри скользили по воздуху, соединялись или, напротив, рвались и металась в беспорядке. Так или иначе, число прядей росло, они переплетались, туман сгущался и вскоре окреп настолько, что фургон, когда пришло время двигаться дальше, пришлось вести неизвестной дорогой почти на ощупь. Молодая поросль весело трещала под колёсами и хрустела, подминаемая бампером. Дважды колесо попадало в яму, и приходилось давать задний ход, а однажды фургон чуть не наехал на пень.

– Давайте-ка поменяемся местами, – предложила Айви. – Вы угробите машину такой ездой.

Николай пожал плечами и уступил место хозяйке. Она действительно повела мягче и вскоре выбралась на трассу. Тумана как не бывало, погони тоже не оказалось, и они, проехав километр или два, свернули в первый же волшебный переход.

Николаю ни разу ещё не удалось засечь при переходе никаких врат, порталов, ничего похожего на дымку, искажение перспективы, свечение, или как там ещё изображались подобные объекты в книгах и фильмах. Они просто съезжали с одной трассы и, проехав немного по лесной или реже степной дороге, выезжали на другую.

– А в какой момент, собственно, совершается переход? – спросил он, когда «Транспортёр» вновь катил по шоссе.

– Момент? – удивилась Айви. – Нет, тут всё иначе работает. Тропки – это не совсем портал, и даже не совсем волшебство, это просто короткий путь между двумя точками. Кажется, ваши учёные что-то такое уже вычислили.

– Я проходил в школе физику, – обиделся Николай. – И математику проходил. И про Лобачевского слышал. И про теорию струн, и про кротовые норы. Но лесные тропки – это какая-то ересь...

– Ну да. Наши предки ничего такого не изучали. Просто ставили ловушку на вурда, а когда вурд попадался, принуждали его открывать нужный путь.

– Вурд? Никогда о таких не слышал.

– В книгах о них почти не пишут, это правда. Повывелись нынче вурды. Столько тропок требовалось открыть, вот они и кончились. А ведь были когда-то весьма плодовитым народцем. И жили, кстати, не так далеко от ваших родных мест.

– Вы что же, извели целый народ ради этих своих тропок? – удивился Николай. – Геноцид устроили?

– Ну вурд, он ведь кровью людской питался и человечиной не брезговал, – необычно холодно и зло произнесла Айви. – Так что не стоит их жалеть. И обвинять никого не стоит. Неандертальцы вон не в пример были добрее вурдов, а всё равно их ваши предки схарчили.

– Наши предки, – поправил Николай. – Волшебный вы народ или нет, гены-то общие. Все мы, в конце концов, произошли от Люси.

Айви остановилась на захудалой бензоколонке, где не оказалось даже приличной закуской, а только небольшой магазинчик, поэтому им пришлось обойтись чипсами и баночкой колы из автомата. Зато автозаправочная станция расположилась на вершине пологого холма, и отсюда открывался хороший вид на трассу в обе стороны, так что они стояли на осеннем ветру и наблюдали, не появятся ли преследователи. Холодный ветер прогонял сон не хуже крепкого кофе. Николаю, правда, жутко хотелось курить, но отойти от бензоколонки далеко он не рисковал, а только перемалывал челюстями чипсы, пакетик за пакетиком.

Преследователи не появились ни в первые полчаса, ни позже, и, стало быть, с монетами они угадали и демона вызывали не зря.

– Теперь можно нанести визит графу, – сказала Айви, стряхнув с себя несколько крошек.

– Как жаль, что нельзя сбегать монеты демону навсегда.

– Давайте не будем в сотый раз толочь воду в ступе.

– Но у меня возникла идея, – сказал Николай, уже забираясь в машину.

Они впервые выехали с бензоколонки без спешки. Николай с удовольствием закурил.

– У вас? Идея? Опять?

– Представьте себе. – Он выпустил дым в чуть приоткрытое окно.

– Валяйте, рассказывайте, – разрешила Айви. – Время-то у нас теперь есть.

– Я вот что подумал, – начал он, не обращая внимания на сарказм. – Если маячок стоит только на одной из монет, то мы легко можем вычислить, на какой именно.

– Правда?

– Да. Мы могли бы поступить следующим образом. Сперва разделить монеты на две равные части. Одну отдать демону на хранение, вторую оставить себе. Если после этого появится погоня, значит, меченная монета находится в нашей половине, а если не появится, то, соответственно, в половине демона. Затем оную половину мы вновь делим на две равные части и опять отдаём половину демону. И так, пока не останется та единственная монетка, что нам нужна. Вернее, наоборот, та, от которой лучше избавиться.

– Прекрасно, – одобрила Айви. – Идея в самом деле недурна. Мы могли бы закрывать обязательства, не подвергаясь постоянной опасности и без бешеной гонки. Но ваш способ никуда не годится по чисто технической причине. Такое число вызовов демона может испортить карму и вдобавок опустошить мои запасы драконьих слёзок. Есть методы дешевле и проще.

– Куда уж проще, – не поверил Николай.

– Мы можем заехать к специалисту, ну, то есть к колдуну, читающему наложенные на предметы заклятия, и он без труда распознает маркер. Правда, только в том случае, если метка на монете действительно есть. Мало того, при определённых условиях специалист мог бы даже снять заклятие. Однако об этом мы подумаем позже. А сейчас надо продержаться до назначенной встречи с графом Эйхофом.

– И сколько нам ещё болтаться на дорогах?

– Пять часов, сорок минут.

– Тоска.

Разговор иссяк. Дальше они ехали молча, под естественный аккомпанемент дороги: пение шин, урчание двигателя, свист ветра. Поначалу такой фон казался романтическим, приятным, но вскоре начал надоедать.

– Можно включить какую-нибудь радиостанцию или просто музыку? – спросил Николай. – А то уже мозг пухнет от этой монотонности.

– Радио нет, а музыки сколько угодно.

Айви нажала на клавишу плеера. Раздался негромкий и очень знакомый гитарный перебор, затем столь же знакомый шум зрительного зала.

– «Иглз»? – удивился Николай. – «ОТЕЛЬ Калифорния»?

– А вы что, собственно, ожидали? – с ноткой конфликта в голосе спросила Айви.

Она явно устала от его общества и едва сдерживала раздражение.

– Не знаю. Ну, что-нибудь этническое, наверное. «Иван Купала» там или что-то такое.

– Сами слушайте свою «Кострому», а я предпочитаю классический американский рок, в крайнем случае регги.

– Регги быстро надоедает.

– Каждому своё. Но музыкальная культура расцвета хиппи наилучшим образом соответствует моим ощущениям, когда я веду машину, а я, знаете ли, стремлюсь к гармонии. Дома, конечно, на хорошей стереосистеме я чаще слушаю Дворжака, Берлиоза или Чайковского. Но если вас раздражают мои вкусы, можете выключить плеер вовсе. Я могу ехать и в тишине, особенно если вы не будете лезть с расспросами.

– Да нет, я не против, – пожал Николай плечами. – Пусть будет «ОТЕЛЬ Калифорния». А от расспросов вам всё равно не уйти.

Айви промолчала.

Следующую остановку она сделала через пару часов в небольшом городке, где-то в Восточной Европе, возле белостенного домика, обнесённого декоративным палисадом из виноградной лозы.

Они уселись за один из свободных столиков под соломенным навесом. Из домика вышел человек в явно национальной одежде, и Айви что-то сказала ему на языке, в котором Николай заподозрил венгерский, просто потому, что не смог бы повторить ни слова.

– Я заказала чашечку зеленого чая. Здесь его прекрасно готовят. Что заказать вам?

– Чёрный чай. С сахаром.

Она перевела, и официант удалился.

– Не любите зелёный чай или выбрали чёрный из чувства протеста? – скучая в ожидании заказа, спросила Айви.

– Я люблю чай, который мнут ногами китайские крестьяне, и сигары, скрученные на собственных бедрах кубинскими мулатками. Это придаёт бездушному, в сущности, товару толику человеческого тепла. И тогда он перестаёт быть просто товаром.

– Нравятся ли вам сорта кофе, насыщенные ферментами в пищеварительном тракте цесарок или мусангов?

Николай фыркнул.

– Я же говорю о человеческом тепле, а не о птичьем или... кто такие, кстати, эти мусанги?

– Виверровые, если вы об этом. Хищники, млекопитающие. Хотя самый дорогой сорт кофе пропускают через слонов.

– Благодарю покорно.

– А что насчёт алкоголя?

В этот момент подошёл официант и поставил перед ними два керамических чайника, сахарницу с дозатором и две пустые чашки на блюдцах. Затем он удалился, даже не предложив разлить чай по чашкам.

– В Андах готовят особый алкогольный напиток, ферментируя кукурузные зёрна слюной беззубых старух, – сказала Айви, наливая чай себе в чашку. – Они пережёвывают кукурузу и сплёвывают её в общий чан, где и происходит брожение.

– Алкоголь есть алкоголь, – флегматично произнёс Николай и тоже налил чаю.

– Всё-таки вы эстет, несмотря на неразборчивость в алкоголе, – заметила Айви, делая первый глоток.

– Я эстет, – согласился Николай, потом решил добавить: – Я эстет, но не сноб.

– И разница заключается в том...

– Я люблю экспериментировать. – Николай тряхнул несколько раз сахарницей над чашкой. – Открыт для всего нового, в то время как снобы застыли в своём, как думают они, эстетическом совершенстве.

– Быть может, вы просто хипстер?

– Нет. – Он улыбнулся. – Хипстеры слишком подвержены общественному мнению, даже в своём отрицании такового. Во всяком случае, они подвержены стилю и моде.

– Вы эстет-индивидуалист, – решила Айви.

– Можно и так сказать.

* * *

Спустя два часа, совершив множество волшебных переходов по просёлкам, они остановились на окраине европейского, судя по архитектуре, городка у старого каменного дома в два этажа. Дом стоял на границе обширного парка, в глубине которого возвышался замок.

Им опять предстояло спускаться, и Николай задумался, отчего всевозможная магическая атрибутика, как, впрочем, и живность, хранится и обитает чаще в подвалах, бункерах и подземельях, нежели в пентхаусах или на худой конец на чердаках. На первый взгляд разницы никакой, в любом случае им предстояло бы ходить по лестницам вверх и вниз. Но обычно, двигаясь к цели, они шли не спеша, а вот потом всегда что-то происходило, и обратно приходилось бежать. А бежать, между прочим, из всевозможных подземелий приходилось именно вверх.

Сейчас их сопровождал граф Эйхоф – высокий худой старик с острым носом и покрасневшими глазами. Он носил роскошный парик аллонж, вычурные туфли с массивными пряжками и старинный костюм с жабо и прочими рюшечками, всех названий которых Николай припомнить не смог, а вернее, и вовсе не знал. Суровый вид хранителя библиотеки не располагал к расспросам. Впрочем, тот вообще не обращал внимания на Николая, принимая его за слугу прекрасной госпожи Айви. Старик скрипел ей на ушко с мерностью колодезного ворота. Хорошо, что смазывали его голосовой аппарат, похоже, давным-давно, и Николай всё прекрасно расслышал.

– Большую часть замка приходится сдавать, моя дорогая Айви, – жаловался граф. – Сдавать проклятым нуворишам, полагающим, что они вместе с замком могут получить породу и стиль. Что самое неприятное, сдавать приходится не от бедности, я мог бы легко оплатить счета, даже если бы топил все каминные круглосуточно и не каким-нибудь углём, а благородным дубом или буком. Я способен содержать достаточно расторопных слуг, чтобы чуланы и чёрные лестницы блестели, как в Рождество. Я не говорю уже о конюшнях и псарнях, вы же знаете, дорогая Айви, как я отношусь к животным. Но мытари приходят и спрашивают об источах доходов, а вот их-то я открыть не могу. Приходится изображать из себя старого обнищавшего аристократа.

– Нам всем приходится надевать маски, граф, – сочувственно произнесла овда. – И исполнять несвойственные нам роли.

– Да, именно так. Надевать маски, исполнять роли, – проскрипел Эйхоф. – И жить во флигелях для прислуги. И пользоваться наёмным авто. И питаться пищей, какую во вре-

мена моей молодости не рискнул бы вкушать и крестьянин. Наше влияние умалется. Мы всё больше отходим в область сказок, преданий, мифов.

– Вы совершенно правы, дорогой граф.

Они брели втроём мимо полок, и Николай молча катил за Айви деревянную скрипучую, как сам граф, тачку, в которую девушка, после одобрения хранителем, складывала нужные книги. На присутствие Николая оба небожителя по-прежнему не обращали внимания. Он был простым слугой, рабом, при котором хозяева могли говорить о важных вещах, не придавая значения лишней паре ушей. Где-то так.

– Знаете, Айви, – сказал граф, – а ведь вы не первая столкнулись с подобной проблемой. И мне кажется, всё это неспроста. Да-да, уж поверьте чутью старика.

– Надеюсь, получив нужные книги, граф, я разберусь, что к чему, – поклонилась овда.

* * *

В мотеле «Озёрный» (обыкновенном мотеле, без волшебства и волшебников) Айви заплатила за два номера обычными рублями, которых у неё оказался приличный запас, и, получив ключи с массивными номерками, бросила один Николаю.

– Не вздумайте дать дёру, добрый человек, – предупредила она, когда их никто не слышал. – Если охотники найдут вас одного, ничто не сможет спасти вашу побитую молюшку шкуру.

– Спокойной ночи, сударыня! – сказал он, слегка поклонившись.

– Надеюсь, – ответила она и отправилась к себе в номер...

...Николай разделся и с удовольствием забрался в ванну. Весь этот забег, длиною в два дня, он пытался оценить своё положение, но только оказавшись в состоянии относительного покоя, смог обдумать его без спешки. Однако с ним произошла странная вещь. Начиная размышлять о чудесах, магии, врагах и свалившихся на его плечи обязательствах (всё это ещё плохо укладывалось в сознании, противоречило прежнему опыту и знаниям), Николай раз за разом спотыкался, пытаясь осмыслить образ Айви, после чего мог думать уже только о ней. Эта девушка казалась воплощением мечты. Конечно, следовало сделать поправку на чувственность, обычную гиперболизацию, как следствие гормонов, выброшенных благодаря эффекту любви с первого взгляда. Но при любых поправках Николай сохранял уверенность, что женщин, подобных Айви, ему не доводилось встречать во всей своей прежней жизни. Именно прежней, потому что теперь началась совершенно иная жизнь. И встреча с Айви как раз и отделила одну от другой.

Она не казалась такой уж недоступной, держалась порой холодно, отстранённо, однако иногда улыбалась ему, шутила. Тем не менее Грачевский понимал, что у него нет никаких шансов. Овда нуждалась в нём лишь как в инструменте, который навязали ей обстоятельства. И, что говорит в её пользу, смирилась с невозможностью выбора, согласилась на то, что есть, и даже не стала срывать на нём раздражение. Вместе с тем как мужчина он не вызывал у неё хотя бы малейшего интереса, да и вызвать не мог. Ибо не было в нём (и Николай вполне отдавал себе в этом отчёт) никаких особенных достоинств, ни свойственных рыцарю, воину, герою, ни свойственных даже мальчишке пажу или, например, менестрелю. Ничего такого, чего нельзя найти пучок за пятачок даже в их сером мире, а уж в окружении Айви таких, верно, дальше конюшни и не пускают.

Дело усугубляло его нынешнее положение бомжа. Хорошо, что накануне он хотя бы почистил пёрышки (там, где происходила последняя в прошлой жизни попойка, обнаружилась прекрасная ванная, и прежний Николай на время взял верх над Коленькой, ускользнул от общества и наслаждался по завету классика мылом душистым и полотенцем пушистым. А одежду он сменил всего неделю назад, заскочив на собственную квартиру, чтобы стрясти с квартирантов плату). По этой причине он не слишком наполнял запахами городского дна те

помещения и транспортные средства, что ему приходилось делить с Айви. Он содрогнулся, представив, как выглядел бы и «благоухал», повстречайся они неделей раньше. Тем не менее и теперь он чувствовал себя неловко и, в конце концов, пришёл к мысли, что одежду не мешало бы простирнуть.

Обернувшись полотенцем, Николай собрал грязную одежду в комок и прямо босиком отправился в холл.

– Мне нужна стиральная машина, фройляйн, – обратился он к сидящей за стойкой на ресепшен молодой девице.

Девица была, что называется, кровь с молоком. Классическая деревенская барышня (обслуга мотеля наверняка набиралась в соседнем посёлке). Пышные формы, сильные руки, тугая коса. Разве что упакована она была в бордовую униформу мотельной сети вместо какого-нибудь свободного одеяния из неокрашенного льна. Ну так, во всяком случае, представлял себе Грачевский здешнюю буколическую атрибутику.

Ожидая ответа, он рассматривал регистраторшу, а она, нисколько не стесняясь и не спеша с ответом, изучала его, словно оценивая потенциал.

– Вон тот коридор, первая дверь налево, – произнесла наконец девица и, подперев круглое лицо кулаками, спросила томно: – Это, наверное, очень скучно, сидеть и ждать, пока машина всё постирает?

Кровь в жилах Грачевского потекла чуть быстрее. В любой другой обстановке он пустился бы, что называется, во все тяжкие, слишком уж много пропустил, пока бомжевал, но сейчас у него из головы не выходила необыкновенная спутница. На её фоне любая другая женщина казалась такой же рисованной, как красotka на этикетке. И дело даже не в этом, в конце концов, красотками с этикеток он брезговать бы не стал, но Николай вдруг почувствовал некую до конца непонятную преданность Айви, как будто добровольно принёс ей присягу на верность. Откуда это пришло, понять он не смог. Но вздохнул и, сухо бросив девице что-то про усталость и головную боль, отправился в прачечную один...

...Среди ночи Николай проснулся от собственного храпа, приняв его за рычание зверя. Им вдруг овладела паника, он вскочил, осмотрел номер, заглянув в ванную, туалет, за шторы. Похоже, ему приснилась какая-то мерзость или жуть, но вспомнить не удалось даже маленького фрагмента, лишь ощущение безысходности, затягивающее, как чёрная дыра. Вернувшись в кровать, он ещё долго не решался выключить свет.

А утром появился демон со странным именем Драгош. Они ждали его в комнате Айви, собрав вещи и готовые рвануть сразу, как только меченые монеты вновь начнут жечь карман.

Исчадие возникло за спиной Николая, и он не на шутку перепугался, когда почувал, как затылок обдало знакомым жаром, а во рту появился привкус огнеупорной глины или шамотного кирпича. Почти одновременно с этим он услышал треск и почувал дымок – ему показалось, что вот сейчас горячие пальцы с огромными, но ухоженными когтями сомкнутся на его горле. Стараясь не выглядеть испуганным, он обернулся и увидел, что демон при появлении, видимо, зацепил картину на стене, во всяком случае, уголок рамки обуглился и слегка дымился. Николай прочистил горло резким выдохом, перешедшим в кашель, и благоразумно отошёл в сторону.

– Возвращаю хранимое, о прекраснейшая из фей, – произнёс Драгош. – И ожидаю стандартной оплаты. Наличными.

– Может, возьмёшь чек? – спросила Айви, и Николай с трудом понял, что она так пошутила.

– Я беру только драконовыми слезами, вы же знаете, – не стал играть в её игры демон. – А чековые книжки, к вашему сведению, теперь не используют.

Он протянул ладонь. Айви опустила туда два камешка со своего ожерелья.

– Будет работа, вы знаете, как связаться со мной! Прощайте, сударыня!

Сказав это, Драгош превратился в облачко дыма, которое быстро развеялось...

– Стало быть, эти волшебные камешки ходят у вас вместо наличных? – спросил Николай.

Они уже покинули мотель и сменили несколько дорог разного качества. Николай заметил, что его спутница предпочитала немецкие или итальянские, где можно вволю разогнаться, но не брезговала и заштатными дорогам российской глубинки, на которых фургон раскачивало, как морской корабль в хороший шторм.

– Нет, – ответила Айви. – Просто наш аналог денег Драгошу в его мире не нужен. Вот и приходится рассчитывать бартером.

– Жаль! Слезы дракона! Очень была бы удачная метафора для денег, не то что, например, рубль.

– Метафора? – удивилась девушка. – Они и на самом деле слёзы дракона. Застывшие от времени, как янтарь, только не в море, а в огненной лаве и не из смолы, а из слезы.

– Всё же весьма поэтичный образ, – не согласился Николай.

– Зависит от точки зрения. Не думаю, что смерть драконов была столь уж безболезненной. Ну а мы видим в этих слёзках ценность и считаем их хорошим вложением.

– Вложением?

– Видите ли, в гранито-гнейсовых массивах архейской эры, в формированиях тех давних времён, когда огонь Земли медленно угасал и драконы, живущие в нём, умирали от недостатка жара, слёзок находят пока ещё довольно много. Но зато и используют их сравнительно часто, а новых ввиду полного вымирания драконов не прибавляется, и потому цена их с годами будет только расти.

– Понятно, – сказал Николай. – Поэзия не ваш конёк. Вы швыряетесь метафорами просто, чтобы набить цену инвестициям. Так вы их скупаете в качестве инвестиций? Я имею в виду слёзки.

– Не угадали. Меня больше интересуют прикладные особенности диантанов. Каждая такая капелька после определённой амры вызывает драконий огонь, способный спалить всё живое и расплавить всё неживое в объёме средних размеров спортивного зала. А вот если применить другую амру, слёзка будет медленно испускать жар и сможет согреть тот же спортивный зал целую зиму.

– А ещё их можно впаривать демону и использовать для украшения, – добавил Николай.

Глава 4

Погонщик мёртвых

За руль теперь всё чаще садился Николай. У него не оказалось при себе водительских прав, что, впрочем, не относилось к проблемам высшего приоритета. Высшим приоритетом занималась Айви. Сменив, наконец, вечернее платье на сарафан, она закинула загорелые ножки в коротких белых носочках на приборную панель и листала старинные книги, сверяя прочитанное с записями в розовом свитке. Всё, что удавалось расшифровать, Айви записывала в толстый блокнот с бархатной обложкой пурпурного цвета. Николай, уловив момент, бросил взгляд и отметил, что почерк её был крупным, красивым, разборчивым, а буквы круглыми и ровными. Иногда она заглядывала в ноутбук, а время от времени, повинувшись шестому, седьмому или восьмому из своих многочисленных чувств, отвлекалась от дешифровки, вынимала из рта кончик карандаша и показывала им на едва приметный съезд с шоссе. Разумеется, никакие указатели не предвещали поворота, да и сам Николай не видел его заходя, но стоило девушке показать, как просёлочная дорога открывалась в просвете между деревьев или густых кустов...

– Мне удалось более или менее точно расшифровать половину записей, – сказала она через несколько часов бесцельной езды по автострадам мира. – Главным образом простейших. За остальными тоже дело не станет. Однако большинство желаний всё равно нельзя выполнить, не зная в точности, кто их загадал.

– А мы не знаем? – уточнил Николай, не отрывая взгляда от дороги.

– Нет.

– И на розовом рулончике этого не написано?

– Нет.

– Хотелось бы заметить, что я ничуть не волнуюсь, если вы надеялись добиться такого эффекта, – ухмыльнулся Николай. – Я уверен, что вы сейчас всё подробно разъясните.

Она ответила взглядом, полным сострадания ко всем живым существам, которым приходится или приходилось когда-либо иметь с ним дело. Затем вздохнула.

– Попросту говоря, мы ничего не знаем о людях, которые загадывали желание, кроме значения их астрального отражения, зафиксированного на свитке contagiозной машиной. Ни имени, ни адреса, если не считать одного вздорного пенсионера, которого я, кажется, вычислила. А чтобы найти подходы к клиентам, нам потребуется собрать о них куда больше информации, чем просто имя и адрес. Что они любят, как проводят время, где работают, с кем общаются.

– Зачем?

– Чтобы обнаружить их слабости, уязвимые места, кои затем с умением использовать к вышней нашей выгоде. Так понятно?

– Да.

– Так вот, летом я бы обратилась к одному энтомологу, назойливому типу, между прочим, но дело своё знающему «на ять». Его маленькие друзья быстро нашли бы нужных людей, а заодно и выведали бы о них всю подноготную. Мухи, ведь известно, на что летят. Но так случилось, что на дворе поздняя осень и всякие там букашки-таракашки мало куда смогут добраться и мало что разузнать. Во всяком случае, в данном климатическом поясе.

– Понятно. Хотя я знаю пару домов, где таракашки ещё водятся.

– К сожалению, они не так распространены, как раньше.

– К сожалению? – Николай усмехнулся. – Впрочем, вам виднее.

– На что это вы намекаете? Сами-то давно ли от вшей избавились? Они бы, кстати, тоже могли помочь, но, увы, остались уделом падших людей вроде вас.

Николай лишь улыбнулся в ответ. Вшей у него не было, даже когда он бомжевал. То ли химический состав его крови им не приходился по вкусу, то ли постоянное сидение возле костров пропитывало его кожу креозотом, дёгтем и прочими веществами, отпугивающими всё живое. Его улыбка объяснялась и тем, что хотя он уже стал привыкать к проблемам, возникающим одна за другой, как растущие зубы акулы, но и к их решению прекрасной спутницей стал привыкать тоже. Не разочаровала Айви и на этот раз.

– Есть иной вариант, – сказала она и замолчала.

Николай оторвал взгляд от дороги и взглянул на неё.

– Судя по вон той милой морщинке на вашем безупречном лице, вариант не совсем подходящий. Рискованный, ненадёжный?

– Скорее, неприятный, – привычно пропустив его сомнительный комплимент мимо ушей, сказала она. – Его называют Погонщиком Мёртвых.

Айви произнесла имя достаточно зловещим тоном, чтобы Николай вздрогнул.

– От одного имени у меня мороз по коже гуляет. Он что, некромант?

– Нет. Хотя, возможно, когда-то и начинал некромантом. Но теперь он не «он», а скорее «оно», и это оно стало частью сложившегося мира, частью мироздания.

– Вот как?

– Да. Ваши менее цивилизованные предки отнесли бы эту сущность к богам. А учёные будущего, возможно, запишут в какие-нибудь саморазвивающиеся квантовые флуктуации.

– А как характеризуют его ваши коллеги? – поинтересовался Николай.

– Мы считаем его Силой. Силой с большой буквы.

– Он повелевает мёртвыми, судя по имени? – воображение услужливо нарисовало Николаю колесницу, управляемую чёрным божком с запряжёнными вместо лошадей мертвецами.

– Погонщик – не повелитель. И занят он не мёртвыми, а душами умерших людей. Они-то нам и смогут помочь в поисках.

– Души? – Николай скривился.

Он не верил в жизнь после смерти, в реинкарнацию и прочие подобные мифы. С другой стороны, он много во что не верил до встречи с Айви.

– Да, души. Но не всякие, а те, что покинули тела, но ещё не ушли в предназначенные им пределы. Такие души имеют значительный потенциал к перемещению, поиску и сбору информации в тварном мире. Если их, конечно, заинтересовать в этом или подчинить своей воле. Теоретически они могут проникнуть куда угодно, потому что для них не существует материальных преград, только магические. И, что особенно важно, они могут отследить человека по астральному отражению в ауре монет. Однако их временный властитель, в обязанности которого как раз и входит выдворение душ в означенные пределы, очень не любит использовать подопечных в меркантильных интересах. Тем более в чужих меркантильных интересах.

– Что такое душа? – спросил Николай, который всё ещё не смирился с концепцией жизни после смерти, в какой бы форме та ни осуществлялась.

– Спросите что-нибудь полегче, – пожала плечами Айви. – Пока на себе не попробуешь, не узнаешь.

– Благодарю покорно, я не тороплюсь. Но они по крайней мере сохраняют прежнюю личность, самосознание, воспоминания?

– Разве только в виде информации. Смерть есть смерть, знаете ли.

Почему-то такой ответ Николая успокоил. Значит, какие-то из его представлений остались нетронутыми новым опытом. И то хлеб, как говорится.

– И в чём наша проблема? – спросил он после паузы.

Айви кивнула, как бы одобряя его готовность к работе.

– Первая проблема заключается в том, что нам нужно чем-то подкупить Погонщика Мёртвых.

– И этого чего-то у нас, вернее, у вас нет? – предположил Николай. – Надеюсь, нам не придётся отправлять к нему души.

– Нет. В смысле, не придётся. И в том смысле, что у меня под рукой, действительно, ничего подобного нет. Погонщик не принимает в дар магические артефакты. Его, как это ни странно, интересуют артефакты исторические и вообще история.

– История?

– Ну, в нашем случае нечто, связанное с историей. Редкая вещица, диковинка. Какой-нибудь эпохальный документ, подарок одного монарха другому, изменивший геополитический расклад. Что-то особенное.

– Зачем?

– Он уничтожает их.

– Странное хобби.

– С помощью этого он стирает историю.

– Каким образом? Убирает из книжек факты? Большое дело! У нас таких погонщиков мертвечины целые институты трудятся. Раз в пятилетку учебники переписывают. Гениев со злодеями меняют местами.

– Нет, – чуть раздражённо прервала его Айви, видимо, не очень довольная сравнением. – Тот, о ком я говорю, стирает факты не из учебников, а совсем. Так сказать, из континуума.

– Как то есть – совсем?

– А так. Если дать ему декларацию независимости, к примеру, то независимость не будет провозглашена, а если скормить акт о безоговорочной капитуляции, то не будет и капитуляции.

– Но что-то ведь будет? – озадачился Николай. – История не терпит пустоты, если можно так выразиться.

– Что-то будет, но не то, что было, – заявила Айви. – И кто знает, как это изменит исторический ландшафт? С мирозданием шутить опасно. Поэтому Погонщика кормят обычно чем-то попроще, что не вызовет серьёзных прорех в пространстве времени. Династическими артефактами, например, родословными.

– То-то в Европе монархов поубавилось. Но зачем он это делает? С нашими историками всё понятно – политика. Но он-то зачем?

– Вот уж не знаю. Ради развлечения, возможно, или имея какой-то план по переустройству мира, сокрытый от постижения простыми смертными. Да и непростыми бессмертными тоже. Он Сила, чего вы хотите. Однако нам сейчас стоит заботиться не об этом.

– Как скажете, – согласился Николай. – Но, как я понял, есть и вторая проблема.

– А вторая заключается в том, что не будучи, как я уже говорила, человеком и даже не будучи существом в привычном нам понимании, он обитает лишь в нескольких местах на Земле, вернее, его сущность имеет проекцию в этих нескольких местах. А лично мне известно и доступно лишь одно из них, и расположено оно в районе, который в настоящий момент является зоной боевых действий.

– Где это?

Николай напрягся. Война, в отличие от непонятных магических рисков, была для него опасностью известной, реальной и намного больше пугала.

– На Кавказе.

– Понятно. Но Кавказ большой, и войн на нём много. Кто с кем воюет в нашем случае?

– Какая разница? – удивилась Айви. – Бородатые мусульмане воюют с бородатыми христианами. Что характерно, и те и другие сражаются не за веру, а за государственную принадлежность территории.

– Да, подобное сейчас сплошь и рядом, – с печалью заметил Николай.

– Вот именно. И нам придётся проехать около пяти километров по горной дороге, где стреляют, режут, закладывают фугасы и устраивают завалы. Причём с нашим красным, как тряпка, «Транспортёром» и провоцирующим мирным видом мы можем запросто огрести от обеих сторон.

– Можно нанести на кузов камуфляж, – предложил Николай.

Айви взглянула на него так, что и без слов стало ясно, на что именно он может нанести камуфляж.

– А более короткой дороги, конечно, нет? – спросил он без надежды.

– Как раз есть. Но её мы оставим для отступления. Тем более что путь туда лежит вверх, и мы не поднимемся там на обычном фургоне, слишком крута тропинка. А вот возвращаясь, спуститься сможем с ветерком, так сказать. Что будет не лишним, если за нами увяжутся местные бородачи или наши обычные преследователи.

– Хороший план, – не имея детального представления о местности, Николаю не оставалось ничего иного, как принять предложение Айви.

– Однако всё это нам предстоит чуть погодя, – сказала она. – Сперва требуется раздобыть Погонщику Мёртвых какую-нибудь диковинку. И приготовить некоторые другие полезные штучки. Но прежде всего мы постараемся избавиться от маркера на монетах, иначе нам придётся и впредь таскать за собой хвост и всё делать в безумной спешке.

* * *

Выкроив окно в сложном графике трансатлантических переходов, Айви перескочила из Старого Света в Новый. Полушарие, хоть и сменилось на западное, оставалось всё тем же северным, но в широтах, куда вынесла их волшебная тропинка, пока продолжалось лето – по обеим сторонам дороги зеленел кленовый лес, лишь слегка тронутый ржавчиной осени. Они заехали в маленький городок, состоящий из аккуратных щитовых домиков с побелёнными стенами, кирпичной церквушки и нескольких условно современных – стекло, бетон, алюминий – зданий административного центра. Перед фасадами частных и казённых домов развевались на лёгком ветру звёздно-полосатые флаги, а над улицей висели, чуть трепыхаясь, растяжки, приглашающие на какие-то местные торжества. Этот городок они проскочили быстрее, чем заняло бы время на его описание. Проехав минут пять по дороге, больше похожей на аллею, поскольку кроны деревьев почти перекрывали небо, они заехали в другой, точно такой же, и припарковались у обыкновенного домика, окрашенного белым и чёрным. На родине Николая его называли бы скорее дачным коттеджем, но здесь, в предгорьях Аппалачей, такие постройки считались стандартным жильём среднего класса и бедноты. А вот «Смарт», припаркованный рядом с домом, из общего стиля выбивался – в американской глубинке до сих пор предпочитали ездить на больших пикапах, называя их грузовиками.

Специалистом по меткам оказалась молодая и привлекательная брюнетка по имени Лиза. Прежде чем заняться делом, она усадила гостей в кресла и выставила на низенький кофейный столик вазу с фруктами, пластиковый контейнер, наполненный колотым льдом, бутылку местного виски и соответствующие напитку стаканы с толстым дном.

– Без церемоний, – предложила Лиза и плеснула спиртного в свой стакан. – Сами за собой ухаживайте. Наливайте, берите, что желаете.

– Не хочу показаться невежливой, но у нас мало времени, – сказала Айви, тем не менее ловко набив стакан льдом, дольками фруктов и залив до половины виски. – Собственно, из-за этого мы и обратились к тебе за помощью. Нужно определить, нет ли на наших вещах маркера.

– Тебя преследуют? – Хозяйка слегка нахмурилась.

– За нами погоня.

Николай налил виски на пару пальцев, проигнорировав лёд и фрукты.

– Сколько у меня времени? – сделав маленький глоток, Лиза отставила стакан.

– Полагаю, теперь не больше получаса, но я бы предпочла иметь небольшой запас.

Хозяйка задала ещё несколько вопросов, не вполне понятных Николаю, Айви ответила, а он всё больше молчал, делая частые маленькие глотки, разглядывая подруг и сравнивая. Лиза казалась попроще его спутницы, добродушнее, приветливее, можно даже сказать, человечнее. С другой стороны, клиентами сейчас являлись они с Айви, а хозяйка отработывала хлеб насущный, и её гостеприимство могло быть вызвано обычным деловым интересом.

На столе у большого, во всю стену, окна стоял массивный прибор с двумя окулярами – мощный микроскоп или что-то похожее. За него, получив монеты, и уселась Лиза. Она, не отрываясь, смотрела в окуляры, подкручивая левой рукой настройки, а правой забирала монетки из одного пластикового контейнера и складывала в другой после изучения. Николай дозрел до второй порции, но поскольку пришла его очередь сидеть за рулём, ограничился парой глотков и закусил большим яблоком. Часов у него не имелось, время обычно отслеживала Айви, причём делала это она с помощью некоего внутреннего хронометра и с Николаем информацией не делилась, а ему оставалось лишь нервничать в неведении. Впрочем, Лиза провозилась недолго.

– Монеты чистые, – сказала она, ссыпав их обратно в мешочек. – Вернее, чистые в смысле метки. Ни одна из монет не зачарована на отклик поисковой магии. Но вообще ауры сильные. Где взяла, не спрашиваю, не моё дело, но ощущение такое, что некоторые из них могут привлечь охотников за сокровищами и сами по себе.

– Благодарю, – сказала Айви, вытащив белую полупрозрачную карточку размером с кредитку. – Давай я расплачусь, и мы побежим дальше.

Николай впервые увидел процесс оплаты во всех подробностях. Хозяйка с улыбкой передала клиентке белую кожаную папку вроде тех, в каких подают счета в ресторанах, и красный маркер. Айви взяла маркер и начертила что-то на своей карточке, при этом Лиза отвела взгляд, как бы для того, чтобы не подсмотреть случайно. Затем Айви вложила карточку в папку и уже на папке написала несколько цифр. Цифры были обычными арабскими. Они постепенно исчезли, и тогда Лиза, достав из папки карточку, вернула её владелице.

Таким образом расчёт состоялся, после чего, перестав быть контрагентами, девушки тепло попрощались и обменялись поцелуями, как старые добрые подружки.

– Будешь в субботу на вечеринке у Исфаканца? – спросила Лиза, открывая дверь, и перевела взгляд на Николая. – Кстати, мальчикам там тоже будут рады.

– Вряд ли, – отмахнулась с порога Айви. – Сама видишь, чем приходится заниматься. Сплошной форс-мажор.

– Ну хотя бы до фестиваля ты разгребёшь завалы?

– Надеюсь, Лиза, очень надеюсь.

...В очередной раз пришлось поспешить с отъездом, но теперь определённая цель перед ними не стояла, им, по словам Айви, просто нужно было помотаться по американским дорогам до открытия окна в Европу. Что ж, значит, выдалось время поговорить. У Николая вертелось на языке много вопросов, но он начал с главного, в смысле, самого насущного.

– Я правильно понял, нас находят не из-за монет?

– Ничего подобного, – ответила Айви. – Были бы монеты ни при чём, охотники не потеряли бы след, когда демон принял их на хранение.

– Верно, – согласился Николай. – Но тогда я вообще ничего не понимаю.

– Всё просто. Метки на монетах не оказалось. Но одна из них, или даже несколько, уникальна и знакома нашим врагам. То есть они не просто физически контактировали с монетой, но имеют чёткое представление о том, что искать. Массовая продукция, выходящая из станка на монетном дворе, достаточной уникальностью не обладает.

– Однако на первый взгляд все монеты совершенно обычные, – заметил Николай.

– Это так.

– Возможно, – предположил Николай, – какая-то из монет имеет историческое, культурное значение или с ней связано сентиментальное воспоминание. Быть может, её случайно бросили в фонтан и теперь хотят вернуть, а на ваш священный источник по большому счёту им наплевать.

– Не исключено. Хотя для нас это мало что меняет, поскольку наш противник явно не случайный человек, раз уж обладает магическими способностями. Но надо будет пробить этот вопрос.

– Исфаканец, это просто такое прозвище? – пустил Николай пробный шар. – Или вы и вправду устраиваете вечеринки в Иране?

– Имя, не прозвище. Он и на самом деле живёт в Персии, в пригороде Исфахана. У него роскошная вилла, куда съезжаются по особому приглашению.

– Но там же вокруг религиозные фанатики, режим аятолл, а тут вы со своими чудесами.

– За границами его владения, действительно, царит шариат. Но на самой вилле просто сосредоточие пороков и разврата. Это придаёт особую пикантность и остроту вечеринкам. Вроде купания нагишом в реке, полной пираний.

– Понятно. Никогда не думал, что пираний привлекает именно отсутствие одежды. А с другой стороны, господа любят наблюдать со слона за охотой аборигенов на тигра.

– Я смотрю, Лиза произвела на вас впечатление?

Айви сменила тему без малейшей паузы или изменения тона. Николай сперва растерялся, но потом мысленно махнул рукой. Чего ему скрывать?

– Я уже начал отвыкать от общества простых людей, – пояснил он. – А Лиза не выглядит такой уж аристократкой. Вроде вас, например, или графа. Или чудной вроде демона.

– Верно, – кивнула Айви. – У неё нет собственного источника силы, ей приходится работать, и, наверное, такое положение налагает определённый отпечаток на образ и стиль.

– Она действительно так молода или всё дело в магии? – осторожно спросил Николай, которого на самом деле интересовала не только и не столько Лиза.

Вопрос, однако, не вызвал у спутницы протеста или подозрения. В её мире, похоже, к этому относились проще.

– Если под молодостью иметь в виду формальный возраст, то её внешность не соответствует вашим представлениям или стандартам, если физическое состояние, то никакого обмана или наваждения. Мы вообще редко используем магию для создания иллюзии молодости или красоты.

– Правда? А почему?

– Во-первых, в нашем распоряжении достаточно средств, в том числе и магических, чтобы поддерживать естественные кондиции. А во-вторых, в иллюзии нет особого смысла. Если молодость и красота только наваждение, то никакой радости это не приносит, а пользы от подделки куда меньше, чем от примитивной косметики. Нет, выглядеть можно сногшибательно, но только выглядеть. Это всё равно что прислать заочно знакомому человеку чужую фотографию, выдав её за свою. Много ли в этом радости? Определённая польза, конечно, будет, если вы плетёте политическую интригу, занимаетесь шпионажем или чем-то подобным, но никак не для личного удовлетворения. А что до остального, то магия будет не только прикрывать изъяны и создавать нужные формы, подобно верхней одежде, но и все чувства, ощущения будут приглушены, словно покрытые толстым слоем ткани. Таким образом, обольщение, например, не принесёт в итоге удовольствия и тем более не принесёт любви. Потому и используют искушение лишь для того, чтобы подчинить своей воле.

Айви прервалась, о чём-то задумалась.

– А вот ей вы понравились, – чуть позже сказала она с некоторым недоверием к собственным выводам. – Не пойму, правда, чем.

«А тем, наверное, что и я парень простой, которому приходилось вкалывать, чтобы зарабатывать на жизнь», – подумал Грачевский. Но вслух ничего не сказал.

* * *

Впрочем, заработки в поте лица остались даже не в прошлой, а в позапрошлой жизни. Теперь он и его спутница ступили на неверную дорожку авантюристов, а то и джентльменов удачи. Во всяком случае, от способа, с помощью которого Айви разжила медальоном, Николая, что называется, «терзали смутные сомнения». Конечно, девушка могла прикупить вещь у какого-нибудь коллекционера, но зачем в таком случае проворачивать операцию ночью? Зачем парковать машину на соседней улице, оставляя за рулём Николая, а двигатель включённым? Всё это больше походило на ограбление музея или частной коллекции, или, скажем, какой-нибудь банковской ячейки. Он попытался осторожно прощупать почву, не столько опасаясь последствий, сколько из любопытства, но Айви от вопросов отмахивалась. Добыла и добыла.

Они снова разъезжали по городам и весям, делая короткие остановки, во время которых Айви одна или с Николаем заскакивала в лавочки, дома или офисы. В чем-то похожем на аптеку она получила пузырёк с каким-то зельем. А потом коробку с пистолетом. Последний, как выяснилось, предназначался Николаю.

– Считайте моим подарком на день рождения, – сказала Айви без тени иронии. – Когда у вас день рождения?

– Летом. Был. Или будет.

– Тогда к Рождеству. – Она протянула распечатку. – Изучите матчасть, прежде чем открывать стрельбу. Будет время, найдём подходящий стрелковый клуб или тир, чтобы там вам поставили руку и дали немного потренироваться.

– В пистолете тоже какие-нибудь магические примочки?

– Нет, самый обычный пистолет. Ческа Зброевка. Модель восемьдесят пять.

– «Чезет», значит? – Знакомое название несколько успокоило. – Годится. А автомата нам уже недостаточно?

– Автомата может и не хватить, – серьёзным тоном заявила Айви. – Иногда полезно иметь что-нибудь для скрытого ношения.

...Из очередного визита «в одно место» Айви принесла бумажный пакет.

– Вот, угощайтесь. Это наша еда.

Николай выудил из пакета жёлто-красный фрукт размером с яблоко, но характерными полушариями напоминающий сливу или абрикос.

– Что это?

– Мультифрукт.

– Смейтесь? Хотите сказать, из него делают тот дрянной сок?

– Нет. Ваш сок готовят из концентратов обычных фруктов, сахара и аскорбиновой кислоты. А это гибрид. Но такой, какому и Мичурин с Лысенко позавидовали бы.

– Что? Растёт прямо в снегу и в сибирские холода?

– Разломите его, – предложила Айви. – Он легко разламывается, а косточка легко извлекается.

Николай перестал ёрничать и последовал её совету. Кабину наполнил аромат зелёных яблок, клубники, дыни и много чего ещё. На разломе фрукт оказался таким же жёлто-розовым, а косточка размером с абрикосовую действительно отделилась от мякоти без труда. Николай куснул одну половинку, ожидая вкуса того самого сока, который, если по правде, не любил. Вкусы разных фруктов там мешали и даже гасили друг друга, точно световые волны при эффекте интерференции. Да и вообще, тот сок больше напоминал синтезированную химиче-

скую смесь, а зачастую ею и являлся. Но в принесённом Айви фрукте всё оказалось по-другому. Вкусы и запахи присутствовали как бы сами по себе. Они не смешивались полностью, но каждый вёл свою партию и вступал в строго определённое время. У Николая возникло ощущение, будто он берёт разные фрукты из вазы и надкусывает один за другим.

– Это ещё что, – произнесла Айви, искоса наблюдая за его реакцией. – Вот если их правильно высушить, то финики, курага и кишмиш покажутся жалким подобием. Мультисухофрукт – это что-то особенное.

– Похож на радио, – сказал Николай, прикончив плод.

Он потёр пальцы и с удовольствием ощутил, что они не липнут один к другому. Наверное, в состав гибрида входила влажная салфетка.

– Странная ассоциация, – удивилась Айви.

– Это не ассоциация, а аналогия, – поправил Николай. – Ведь что есть радио?

– И что же?

– Ну вот вы, допустим, любите музыку и можете поставить флешку или диск с тем, что вам нравится. Иглз, Чайковский, кого вы там ещё перечисляли? А можете поступить по-иному – включить радиостанцию. И, допустим, она вещает в избранном вами стиле. Рок там или джаз. Но всё равно одни композиции вам нравятся больше, другие меньше, третьи вовсе не нравятся. Но вы-то не выбираете, выбирают за вас. Тем не менее покорно слушаете. Так и тут со вкусами.

– Понимаю.

– Однако и в радио имеется своя привлекательность.

– Какая же?

– Иногда забываешь какую-нибудь старую песню, а тебе неожиданно напоминают о ней. И от этого возникает двойное удовольствие, резонанс. На, собственно, музыку накладываются личные воспоминания. Контекст, подтекст. Вот и теперь, почувствовав вкус крыжовника, я вспомнил детство, деревню, рыбалку. А ведь я не ел его с тех самых пор, просто в голову не приходило.

– Это так трогательно, – улыбнулась Айви, на этот раз вполне искренне.

Но Николай не дал бы на отсечение голову, что не услышал контрапункта сарказма.

* * *

Назвать дорогой этот путь можно было лишь условно – по сути, они ехали по высохшему руслу ручья, частью каменистому, частью глинистому, на их счастье, засохшему и подмороженному. Повсюду торчали разного размера камни, заставляя фургон подпрыгивать или переваливаться с борта на борт. «Транспортёр» часто пробуксовывал на влажных или покрытых изморозью валунах, шёл юзом, но всё же, урча мотором, понемногу продвигался вперёд. В горы уже пришла зима, и хотя снега ещё не набралось для перекрытия путей, иней выбелил большую часть склонов, между которыми они двигались. Солнце вернуло природную черноту некоторым фрагментам поверхности, так что теперь пейзаж напоминал ломаные формы и цвета корабельного камуфляжа. Николай с удовольствием вдыхал через щель в окне горную свежесть, рассматривал скалы, ожидая что вот-вот из какой-нибудь щели поднимется бородач с автоматом или гранатомётом и нарушит безмятежность ущелья дурацким выстрелом. Айви время от времени произносила амры, призванные скрыть их от чужих глаз, но чувство безопасности не приходило. В конце концов, на обычную мину отвод глаз не действует. Нет у мины глаз потому что. Однако им повезло. Мин на дороге не оказалось, и хотя их заметили какие-то инсургенты, случилось это под самый конец путешествия.

Автоматная очередь прошла выше фургона, взметнув султанчики снега и каменной крошки на противоположном склоне. Николай по звуку попытался определить, откуда стреляли, но эхо сбивало с толку. Айви прибавила ходу, рискуя оторвать подвеску или перевер-

нуться. Но всё обошлось, и, прежде чем неизвестный стрелок внёс правку в прицел, «Транспортёр» въехал в пещеру.

– Всё. – Айви выскочила из кабины. – Сюда они не сунутся.

– А если...

– Тогда мало не покажется. Мирозданию лучше не наступать на мозоли.

– А мы?

– Нам можно. У нас дело. И пропуск. – Она качнула перед ним медальоном.

Они двинулись в глубь пещеры, игнорируя боковые ходы и постепенно спускаясь. Пятый или шестой по счёту зал наполняло слабое свечение, которое Николай затруднился сравнить с каким-либо известным ему феноменом. Одна стена – с относительно ровной поверхностью – была сплошь исписана знаками, рисунками и размытыми силуэтами, словно кто-то пытался рисовать копытю от свечи. Среди букв и знаков Николай заметил знакомые, но их оказалось немного. Что же до рисунков, то такие можно встретить на форзаце любой книги по антропологии: рогатые животные спасаются бегством от людей-охотников; люди окружили большое животное и тыкают в него копьями; отпечатки ладоней.

Под стеной, между кучками хлама, на циновке сидел человек. Чисто выбритого с бритой же головой, его можно было принять за буддийского монаха, если бы не одежда, которая больше подходила северному шаману – шкуры, меха, разноцветные ленты, на одной из лент череп мелкого грызуна.

– Это Говорящий, – шепнула Айви. – Он находится в ментальном резонансе с Погонщиком и сможет сформулировать и перевести на нормальный язык его мысли.

На взгляд Николая, всё это пахло шарлатанством, но кому интересен его взгляд?

Айви протянула Говорящему пузырёк с зельем. Тот, посмотрев тоскливым взглядом, молча откупорил его (Николай почуял что-то похожее на валерьянку и камфару) и одним махом выпил содержимое. Долгое время ничего не происходило. Молчали гости. Молчал «монах». Молчал Погонщик, если он вообще присутствовал здесь. Свечение переливалось, струилось, но не складывалось ни в какой осмысленный узор.

– Вознаграждение, – произнёс Говорящий, не открывая глаз.

Айви небрежно, как показалось Николаю, кинула медальон к стенке – прямо в кучу, где сокровища соседствовали с мусором. Хотя Николай готов был поспорить, что за многое из того, что выглядело мусором, историки или археологи продали бы душу. Тем паче что далеко и ходить не нужно. Вот он, торговец душами, здесь обитает.

Время, казалось, зависло, как старый компьютер.

– Свиток, – произнёс наконец Говорящий.

Айви положила на землю свиток, полученный от contagiозной машины, и сделала шаг назад. На этот раз ответ последовал. Волна света прошла над свитком и рассыпалась золотистыми искрами, словно сдувая с бумаги буквы и знаки. Сказка, она и есть сказка. Хотя и оптическую иллюзию Николай полностью не исключал. В пещере такое устроить проще простого.

Время остановилось.

– Монеты, – произнёс Говорящий.

Айви положила холщовый мешочек. С ним повторилось то же, что и со свитком. Дуновение света и золотистые искры. Ни слов, ни малейшего звука, лишь сдержанное дыхание гостей. И время. Оно опять тянулось резиной.

– Достаточно.

Айви подняла вещи. Свиток убрала под жакет, а мешочек передала Николаю.

– Адрес, – на этот раз Говорящий обошёлся без затянутых пауз.

Айви подошла к стене, выбрала относительно чистое место и мелом написала ряд знаков и цифр.

– Прощайте. – Говорящий кивнул.

На его лице не отразилось ни удовлетворения, ни раздражения. Ничего.

– Идёмте. – Айви потянула Николая за рукав.

Они вернулись к фургону и сразу поняли, что не уложились в необходимое время. Погонщик сожрал его слишком много. Послышался знакомый уже грохот мотоциклов, искажаемый и множимый стенами ущелья. Но почти сразу же раздались автоматные очереди, крики, мат, стоны. Все эти звуки тоже отражались от каменных стен, отголоски гуляли, смешивались, превращаясь в мрачную авангардистскую симфонию.

– Нашла коса на камень, – улыбнулась Айви. – Самое время выступить нам. Под шумок, глядишь, и проскочим.

Она предварительно отвела фургон в самый конец пещеры, так что тот выскочил наружу, уже набрав солидную скорость.

– Теперь только держитесь! – крикнула Айви, и азарта в её голосе слышалось больше, чем страха.

Сбегая вниз и прыгая на камнях и ямах, «Транспортёр» грозил вот-вот развалиться, перевернуться, свернуть с безопасной тропы, врезаться в камень или дерево. Но выдержал, выкатил на относительно ровную полянку, затем нырнул в лесок и неожиданно для Николая (хотя такое происходило уже десятки раз) выскочил на обычную трассу. Ни мотоциклов, ни стрельбы, ни криков. Если бы не оставленный за спиной бой и бешеный спуск, пейзаж за окном мог бы нагнать тоску. Бурая, уже подсушенная ночными заморозками растительность тянулась по обеим сторонам, на сколько хватало глаз. То ли сгнивший урожай, то ли заброшенное поле. Судя по пейзажу и по плохой разметке на сером растрескавшемся полотне дороги, они оказались недалеко от дома. Во всяком случае, в той же стране. Или в какой-то из её ближайших соседей.

Николай перевёл дух, но тут, проехав всего сотню метров, фургон начал чудить. Сперва раздался мощный размеренный стук, точно кто-то долбил кувалдой по задним дверям или дну, и Николай даже подумал, не прихватили ли они, часом, какого бородача с гор? Но потом «Транспортёр» начало сотрясать в конвульсиях, и Айви вынуждена была съехать на обочину.

– Проклятье! – выругалась она, едва удержавшись, чтобы не пнуть колесо. – Столько лет ездила без проблем, а тут, когда ублюдки гонятся по пятам, такая засада!

– Езда по камням не прошла бесследно. Но возможно, не всё так плохо, и наших друзей на мотоциклах малость прижмут бородачи. Не те, так другие.

– Пришлют ещё кого-нибудь. В любом случае здесь оставаться нельзя. Нужно поймать попутку и добраться до города, а там раздобыть машину на то время, пока не придумаем, где починить фургон.

– Зачем же разделять это на два этапа? – сказал Николай и сам поразился собственной смелости. Видимо, адреналин, впрыснутый в кровь во время горного спуска, ещё продолжал провоцировать его на подвиги. – Вы голосуйте, а я спрячусь с автоматом за фургоном. В качестве дополнительного аргумента.

– Будь по-вашему, – не стала спорить овда и принялась сметать в маленький рюкзачок всё, что могло пригодиться, и всё, что нельзя было оставлять на волю случая, отчего рюкзачок быстро стал напоминать пузатый бочонок.

Затем она вышла на трассу чуть впереди фургона, а Николай, отступив за него, поднял шарфик так, чтобы тот закрыл нижнюю половину лица. У него-то заступников среди высших сил нет, и увидеть фото на доске объявленных в розыск ему вовсе не улыбалось.

Судьба подкинула им «Форд» за пять минут до истечения срока. Его водитель понял оплошность, когда вместо ожидаемых женских форм увидел на уровне глаз короткий ствол тюнингованного «калашников».

– Выметайтесь! – прохрипел Николай, стараясь сделать голос неузнаваемым. – Будете хорошо себя вести, через несколько часов получите машину обратно целой и невредимой. Начнёте суетиться, придётся собирать её из частей, разыскивая их по свалкам и блошиным рынкам.

Толстый мужик в мокрой от пота рубашке выбрался наружу. От него тут же пошёл пар, точно от загнанной лошади.

– Прихватите своё пальто, уважаемый, – сказала Айви. – Здесь холодно, и вы рискуете простыть. В случае чего можете пересидеть в кабине фургона. Ключ в замке зажигания. Мотор работает, печка тоже. Ехать на нём, однако, не советую.

– Но ежели, лукавый, презлым заплаатишь за предобрейшее... – пригрозил Николай, потрясая автоматом.

Толстяку было не до смеха, а спутница цитату не оценила.

Следующие полчаса Айви гнала по шоссе и, как заметил Николай, даже не пыталась свернуть на одну из своих волшебных тропок, чтобы затеряться на карте. Он удивился. Спросил.

– Прежде чем уходить, нужно найти автосервис, – пояснила девушка. – Я не хочу бросать фургон.

Вскоре они наткнулись на приличный, судя по оснащению, гараж. Вместо ям здесь были гидравлические подъёмники, вдоль стен стояли аккуратные стеллажи с запасными частями и шкафы со всякими винтиками и шпунтиками, а работники ходили по чистому полу в чистых комбинезонах с вычурным логотипом компании.

– Мальчики, есть работа, – пропела им Айви, пока Николай держался в тени, стараясь не нарушить её мощную ауру соблазна своим босяцким видом и плохо спрятанным автоматом.

Половина персонала сразу же обступила гостью. Некоторые разглядывали Айви, другие пачку банкнот, которой она потрясала как весьма весомым аргументом.

– У меня «Транспортёр» сломался. Скорее всего полетел подшипник на задней оси. Нужно доставить его сюда и отремонтировать. Плачу наличными. Два тарифа за срочность. И вот ещё что. Одолжите мне машину на это время. У меня куча срочных дел. Я в накладе не оставлю.

Таким образом, не прошло и получаса, как наши беглецы, оставив в гараже угнанную машину и ключи с документами к фургону, двинулись дальше на неплохо прокачанном «Туареге». Хозяин тачки наверняка пожалел о широком жесте уже через пять минут, когда чары Айви (как естественные, так и наведённые) испарились вместе с ней и машиной.

* * *

Первое сообщение от Погонщика Мёртвых поступило на следующий день. Они как раз обменяли «Туарег» на отремонтированный «Транспортёр», расплатились и выехали из гаража, когда послышался тихий глухой щелчок, и Айви потянулась к рюкзачку. Пурпурный блокнот, как выяснилось, служил одновременно и неким аналогом почтового ящика. Во всяком случае, пролистав его, девушка обнаружила новую запись, сделанную её собственным почерком, но не рукой, о чём она и не преминула сообщить Николаю.

– Ну что, дело пошло. Думаю, к вечеру большая часть адресов и имён будет здесь. – Айви постукала карандашом по блокноту.

Так и произошло. Пока Николай рулил, Айви принимала «почту» и сортировала её, «перетаскивая» со странички на страничку. Если девушка перечёркивала запись карандашом, та исчезала. В принципе ничего особо волшебного в таких манипуляциях Николай не обнаружил. Большинство подобных чудес давно уже воплощены людьми в планшетах и смартфонах, тут граждане чародеи даже немного отставали от технологий, оставаясь на уровне допотопного «Ньютона». Да и колдовские коммуникации сильно проигрывали Интернету. Во всяком случае, Айви не могла связываться посредством блокнота с большинством знакомых, а с теми

немногими, с кем она связаться могла, контакт часто получался односторонним. Ей присылали сообщения, но для ответа или уточнения данных она вынуждена была искать таксофон, а в случае с Погонщиком Мёртвых не помогал и таксофон. Этот квантовый феномен, получив однажды запрос и плату, теперь гнал поток актуальной информации, как сам её понимал, и скорректировать поиски уже не представлялось возможным. Впрочем, Айви особо не жаловалась...

– И что у нас в репертуаре? – с некоторой опаской поинтересовался Николай, когда девушка переместила на другие страницы ещё несколько записей, и ему показалось, что странички с желаниями заполнены плотно.

– Ну что, репертуар, можно сказать, классический, – ответила Айви. – Есть пожелания, которые не меняются веками. Покупка вороного коня, женитьба на прекрасной девушке...

– И что, до сих пор хотят вороных коней и жениться? – удивился Николай.

– До сих пор, – кивнула Айви. – На счёт последнего, правда, должна заметить, что с желаниями про любовь и смерть всегда возникают проблемы. Идём дальше. Есть, разумеется, много пожеланий вернуться в страну, это, похоже, от иностранцев, или вернуться в город – это уже от ваших соотечественников. Приятно узнать, что большинство людей, кидая монетку в фонтан, загадывают то, что и следует загадывать, согласно традиции.

– Любите строгость в ритуалах?

– Не столько люблю, сколько использую.

– В каком смысле?

– Да в таком, что традицию эту хранители подобных источников по всему миру культивировали намеренно в течение долгих лет.

– Намеренно? Но зачем?

– А вот как раз, как страховку на непредвиденный случай вроде нынешнего. Исполнить такое нехитрое желание, как возвращение в понравившееся место, гораздо проще, чем, скажем, эротические фантазии или одержимость властью над миром. Раньше ведь загадывали, что позаквыристей, но стоило вбросить в массы идею, и – вуаля!

– Предусмотрительно, – одобрил Николай.

– Да. К сожалению, многие, даже кидая монетку ради ритуала, думают на самом деле о другом. От чего и возникают проблемы. Что у нас тут ещё? – Айви пролистнула страницу. – Ага, есть целый ряд пожеланий финансового характера и даже политического, ну это обычное дело. А вот очень трогательное – кто-то, видимо, ребёнок загадал, чтобы помирились родители. Исполнение этого желания заставит нас изрядно потрудиться, с чувствами и отношениями между людьми всегда сложно работать. Или вот, например, прелестное: некий пенсионер Цветков, живущий, между прочим, в двух кварталах от музея, мечтает, чтобы известного предпринимателя и мецената Дементьева приговорили к смертной казни через расстрел. Вообще, учитывая излишне ровное и резкое написание вертикальных линий в некоторых символах, можно предположить, что он скорее пожелал бы посадить гражданина предпринимателя на кол или четвертовать за торговлю наркотиками. Но пенсионер Цветков – гражданин законопослушный (вот, обратите внимание: символы не наезжают один на другой, не вылезают из строчки), и в силу своей законопослушности согласен на судебный приговор. Однако человек он всё же вздорный, а потому, хотя прекрасно знает о моратории на смертную казнь, настаивает именно на расстреле.

– И всю эту лирику про пенсионера вы извлекли из нескольких закорючек? – удивился Николай.

– Нет, – улыбнулась Айви. – Просто он ходит к фонтану почти каждый месяц и неизменно кидает монетку с таким манифестом. Он даже иногда произносит его вслух, думая, что никто не слышит.

Улыбка внезапно исчезла.

– Всё это было просто занятым и в чём-то даже трогательным ритуалом, пока один скверный алкаш не выловил его жертвенную монету.

– Про алкаша я уже слышал, – насутился Николай. – Есть что-то ещё?

– Про Цветкова? Нет. Больше ничего. А вот объект его ненависти вызывает определённый интерес. Проблема, однако, заключается в том, что задачу на поиск информации о нём мы Погонщику Мёртвых не ставили. Следовательно, придётся обходиться своими силами. Я попытаюсь узнать кое-что через знакомых, а вы пересмотрите при случае подшивки газет в городской библиотеке, особенно за тот период, когда Дементьев ещё не стал известным предпринимателем.

– Чувствую, мы с этим пенсионером намучаемся. Я бы, конечно, предпочёл сразу броситься в омут и начать с него, но ладно, ничего не попишешь, придётся подождать. Хотя с такой занозой в заднице я ощущаю себя неудобно.

– Это не единственная заноза, – «успокоила» Айви. – Наклёвывается как минимум ещё одно неприятное пожелание. Оно тоже касается смерти, а как я говорила, с этим всегда возникают сложности. Там много боли, и мне не вполне понятны некоторые знаки, так что кое-что нужно будет перепроверить.

– Смерти? – Николаю стало не по себе. – Надеюсь, нам никого не заказали убрать? Одно дело, знаете ли, приговор суда, хотя бес его знает, как всё это можно устроить...

– Не уверена, что обойдётся без убийства. Но подробности обсудим позже, когда я разберусь с записью и мы подберёмся к клиенту. А пока начнём с чего-нибудь попроще. Как вы смотрите на спасение бизнеса одного доброго человека?

– Не вопрос. Но первым делом нам нужно добыть где-то денег.

– Денег?

– Ну да, денежных знаков. Причём, лучше наличных. Таких, знаете ли, бумажек вроде тех, какими вы расплачиваетесь за кофе, но желательно большего номинала.

– Если бы всё решали деньги... – Айви повела плечом.

– Поверьте мне, барышня, так оно и есть. Деньги решают всё. Человечество давно упростило формулу счастья и свело её к одному-единственному символу, обозначающему доллар. Добудьте мне кучу баксов, и большинство желаний можно будет удовлетворить играючи.

– Вот как? А кто там упоминал про ночь со Скарлетт Йоханссон?

– Вот ещё! – фыркнул Николай. – Неужели я выгляжу таким стариком? Вы бы ещё Мэрилин Монро вспомнили. Нет, я упоминал Эмму Ватсон.

– Ах да, простите, – с наигранной лёгкостью произнесла Айви. – Давно не встречала столь молодого джентльмена, для которого несколько лет разницы в возрасте женщины уже пропасть. Вы, конечно, ещё достаточно разборчивы. И порох в пороховницах есть. Не хотела вас обидеть... Так вы считаете, сударь, проблем не будет и даже самая высокооплачиваемая актриса современности согласится провести ночь с неудачником и ханзой, если ей достаточно заплатить?

– Почему обязательно с неудачником? – Николай потрогал на подбородке щетину. Нужно было побриться в мотеле, но у него не оказалось при себе даже завалящегося бритвенного станка.

– А кто ещё может предаваться бесплодным мечтаниям? – продолжила атаку Айви. – Лишь подростки пубертатного возраста или неудачники.

– Ну, например, поэты! – предположил Николай. – Вообще люди творческие. Они малость не в себе, вот и дают волю воображению, мечтают о чём попало. О женщинах прежде всего. Им ведь, знаете ли, нужны муза, вдохновение и всё такое...

– А мы предложим им деньги! – припечатала Айви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.